

Вера Окишева

*Идеальная
пара*

18+

Annotation

Идеальная пара... Вы знаете, что это такое?

Тимур и Кристина знают это совершенно точно. Один сумасшедший ученый сделал их идеальной парой. Идеальной... с физической точки зрения.

Но что делать, если тело — за., а вот голова очень даже против?

Можно ли найти спасение от собственной страсти? Убежать, спрятаться, скрыться... Или... покориться ей?

Вера Окишева

Идельная пара

Иллюстрация на обложке Станислава Дудина

© В. Окишева, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Громкая ритмичная музыка, как всегда, оглушала. Мы с девчонками накатили по стопочке водки и расслабленно сидели за столиком, осматривая зал в поисках потенциальных жертв. Мне было скучно. Откровенно скучно. Уши закладывало, резкие вспышки света цветомузыки ослепляли. Танцпол пустовал. По углам заведения ютились несколько представителей сильного пола, но мужчинами их назвать было сложно — так, юнцы. Глаз ни за кого не цеплялся.

Подруги вроде для себя заметили, а я все блуждала взглядом по безликим юношам. Неожиданно в зал вошли трое. Я с ужасом воззрилась на блондина, идущего во главе троицы, даже не пытаясь рассмотреть его спутников. Он хищным взором окидывал зал, а я трусливо юркнула под защиту стола. Как он сумел меня найти? Через столько лет!

Девчонки удивленно посмотрели на мой странный маневр, а я приложила палец к губам и выпучила глаза. Дикая мысль билась в голове, но главенствовала только одна: «Бежать!» Бежать надо было срочно. Он меня засечет! Я быстро соображала, что же делать. Дернула Катю за колено, показывая на ее сумочку. Подруга еще сильнее удивилась, но сумку протянула. Я быстро засунула в нее руку, нащупав флакон с ее духами и надушилась так, что разить должно было за версту. Набрала сообщение подругам: «Скажите, когда уйдет блондин» — и принялась ждать. А ждать пришлось очень долго. Время медленно ползло, нервы были натянуты до предела. Как могла, пыталась не думать о нем, но перед внутренним взором постоянно вставал его образ.

Холодные злые глаза под густыми бровями, прямой нос, тонкие губы, острый подбородок, длинная челка. Он всегда выделялся высоким ростом и широкими плечами. Любая скажет, что он идеальный, но только не я. Я его знала с другой стороны. Он зверь! Самый настоящий дикий и бешеный зверь.

Сердце гулко билось в груди, а тело плавилось. Я начала гореть от потаенного желания. Слезы навернулись на глаза. С этим бесполезно бороться, я буду хотеть его всегда. Хватит одного взгляда. И нет ничего, что могло бы остановить начавшийся процесс. Я потекла! Как же противно ощущать себя животным, похотливым животным. Ненавижу себя за слабость. Ненавижу эту безысходность. Сжала сильнее бедра, уткнулась лицом в колени. Упрашивала себя потерпеть. Совсем чуть-чуть, и он уйдет. А после его ухода придет облегчение.

Вздрыгнула, когда услышала рядом его голос, перекрикивающий звуки музыки. По телу сразу же пробежалась волна сладострастной дрожи. Сильнее обхватила ноги, сжалась, крепко стиснув зубы. Выть от отчаяния хотелось до невозможности.

— Здравствуйте, красавицы, вы не подскажете, эта девушка вам знакома?

Бархатистый, с хрипотцой, сильный голос обволакивал, ласкал, но я знала, как он умел рычать и хрипеть, если блондина загнать в клетку. Заткнуть уши нельзя, я должна знать, когда наступит время бежать.

— Нет, — твердо ответила Марина.

Катя промолчала. У меня ноги сводило, зуд усилился, слезы намочили подол платья. Духи помогли перебить мой запах, но сколько продлится их действие?

Затянувшаяся пауза между моими подругами и моим проклятием угнетала. Я вся обратилась в слух, но больше никто и ничего не говорил. Неужели все закончилось? Он ушел?

— Эй! — возмущенно вскрикнула Катя, и я поняла, что пропала.

Скатерть приподнялась, и меня поймали в ледяной плен голубые глаза.

— Ку-ку, — произнес блондин, а я в панике бросилась от него прочь.

Откидывая в сторону стулья, огибая столы, я бежала, как и три года назад. Не чувствуя ног, на пределе своих возможностей. Охранники пытались меня остановить, но жить захочешь, еще не такой козой через ограждение заскачешь. Как назло, мне все мешало улизнуть от настигающего меня мужчины. Прорываясь на улицу, увернулась от выставленного локтя, запнулась о чью-то ногу. Упасть и расшибиться не дали сильные руки, от которых тело выгнулось. По позвоночнику будто пробежал электрический разряд. Застонала, услышав, как мне вторит голос с хрипотцой. Сердце готово было разорваться от страха и боли. Сколько раз ускользала от него! Бесконечные переезды, смена городов. Наконец осела в этом тихом Междуреченске, затерянном в сибирских просторах. Год! Я его не видела целый год. Вот и расслабилась, а зря. В этот раз сбежать от него не удалось.

Замерев, я пыталась не дышать. Только не опять, не хочу! Не хочу! От одной этой мысли вновь забились в руках, рыдая навзрыд:

— Не хочу! Не хочу!

— Успокойся, Крис. Слышишь, успокойся, я и так на грани! — гневный рык спугнул воинственный настрой.

Блондин развернул к себе лицом, прижимая к груди.

— Крис, если бы ты знала, как я не хочу. Но так будет лучше.

— Нет, — упорно твердила, сглатывая слезы. — Я не такая.

— Тш-ш-ш, понимаю. Крис, моя Крис. Если бы ты знала, как я тебя ненавижу, — горечь в каждом слове эхом отражалась в моем сердце.

Тело полностью захватило безумное желание. Схватившись руками за его пиджак, всхлипнула. Сегодня я сдалась. Но только сегодня.

В голове звучал спокойный безэмоциональный голос доктора из прошлого:

— Вы станете экспериментальным экземпляром. Первые в своем роде. Мы создадим идеально подходящих друг другу сексуальных партнеров. Идеальные пары — мечта человечества. Вам не надо больше сомневаться в вашем выборе партнера. Вы будете нуждаться только в нем, единственном и неповторимом. Мы стремимся создать здоровое общество без семейных ссор, измен. Никаких гомосексуальных союзов. Ваше правительство хочет сплотить людей, дать каждому шанс стать счастливым и, если можно так сказать, любимым. Для этого привяжем двух людей друг к другу. Никаких метаний. Никакого одиночества.

Как же ужасны были эти слова. Слишком циничны и правдивы. Да, все так. Он стал моим единственным. Я желаю его до умопомрачения. Так, что ноги не держат. Что хочется утонуть в его аромате. И чтобы он унял съедающую боль одиночества. Все это правда, да. Доктор был прав во всем, кроме одного. Тело — не сердце и уж тем более не душа.

Соединили для эксперимента бандита-уголовника и меня, в жизни не видевшую ничего, кроме пыльных полок городского архива.

Он взял меня на руки и вышел на улицу. Я с тоской глядела на своих опеших подруг. Хоть и меньше года мы были знакомы, но успели крепко подружиться. Рвущихся мне на выручку девчонок удерживали охранники питейного заведения. За нами шли двое сопровождающих блондина. В руках одного из них распознала свою дамскую сумочку. Имени похитителя я до сих пор не знала.

Глава 1

США, Лос-Анджелес

Лысоватый старичок в очках, надев шляпу, попрощался с ведущим научно-популярной телепередачи, которому больше часа рассказывал о своем проекте программирования человеческого сознания. Он вышел из здания телекомпании и поймал такси. То, о чем доктор Уокер поведал в телеэфире, должно было вызвать взрыв интереса в научном обществе. Он рассказал, что его эксперименты по программированию человеческого сознания дали положительные результаты. Всю свою жизнь он мечтал создать универсальных солдат, безропотных роботов, которые бы подчинялись своему хозяину. Они могли бы заменить обычных рядовых, пушечное мясо, и армия станет непобедимой! Об этом он и рассказал в эфире, который оплатил на последние сбережения.

Филипп Уокер слукавил, но у него было оправдание: отсутствие финансирования. Государственную программу, которой он руководил, закрыли, а сам проект объявили неудавшимся. Но доктор грезил о его завершении, поэтому и решился на этот отчаянный шаг, желая привлечь к себе внимание.

На одном из перекрестков, когда такси остановилось на красный сигнал светофора, пассажирская дверца со стороны доктора открылась, и его неловко выдернули из салона машины. Люди в масках затолкали его в черный тонированный джип. Филипп возмущался для приличия, напоминая о своем преклонном возрасте, с любопытством оглядывая салон машины, пересчитывая внушительное количество своих похитителей. Старичок усмехался в предвкушении. Его идеей заинтересовались! Значит, у него появился шанс закончить начатое много лет тому назад, еще во времена Второй мировой войны, дело. Именно в то время идея универсального солдата захватила умы глав государств. Много проектов было разработано. Филипп поднимал засекреченные архивы, изучал наработки. Порой он присваивал себе малозначительные открытия в этой области, пытаясь ухватиться за ускользающую славу. Он мечтал о признании, это стало наваждением, смыслом жизни, ради которого он поставил все на карту.

* * *

Год спустя

Россия, Серпухов

Кристина

Возвращаясь вечером домой через зеленый парк родного города, я любовалась игрой закатного солнца, создающего причудливые живые тени на вымощенной дорожке. Лето выдалось жарким в этом году, и люди наслаждались согретыми солнцем деньками. Даже в нашем городском архиве было на удивление тепло. Сколько лет работаю, такого не могу припомнить. Обычно мерзла за каменными стенами старого здания. Запахами затхлости и сырости, казалось, были пропитаны не только мебель, но и сами сотрудники архива. Мне нравилась моя работа, она приносила удовольствие, и что удивительно: я не была самой молодой среди сотрудников. Коллектив у нас был дружный, хоть и женский. А то, что заработок небольшой, не беда. Мне хватало.

На город опускались сумерки. Я в легком цветастом платье, с сумочкой на плече, шла домой и радовалась жизни. В наушниках играла лирическая музыка. Туфли на удобном каблуке тихо стучали по вымощенной дорожке. Все было настолько прекрасно, что я споткнулась, заметив выбивающегося из общей картины старичка. Потребовалась секунда, чтобы в душе рухнули все радужные замки, и я испуганно подбежала к скамейке, на которой, хватаясь за сердце, полулежал пожилой мужчина. Его лицо и лысину покрывала испарина. Серый пиджак встопорщился, открывая взору синюю рубашку, под нее он просунул морщинистую руку. Я не знала, чем помочь старичку, а телефон, как всегда, затерялся в недрах сумочки.

— Мужчина, что с вами? Что я могу для вас сделать? — встревоженно спросила у него, поддерживая одной рукой, не давая ему совсем сползти со скамейки.

Другой рукой продолжала искать телефон. Острый укол в плечо был таким же неожиданным, как и очень крепкий захват старичка. Но больше испугал его насмешливый взгляд через стекла огромных очков. Все это я мимолетно отмечала, заваливаясь набок и погружаясь во тьму под спокойные размеренные звуки пианино, раздающиеся из наушников. Тогда-то я поняла всю горечь высказывания, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад.

Очнулась я в комнате, больше похожей на палату. Одна стена с дверью была стеклянной, остальные обиты мягким материалом. Я даже забеспокоилась, а не в больнице ли я для душевнобольных. Да и больничный костюм, в который я была одета, приводил в сомнение. Кто меня передел? Для чего?

Я четко помнила, как пыталась помочь старичку на лавке, как почувствовала укол в правое плечо, прежде чем потерять сознание. Да где же я?

Первым делом проверила дверь, но она оказалась заперта. Кто меня похитил и зачем? Я стала кричать, требуя, чтобы меня выпустили. Даже угрожала, что меня будут искать, что полиция непременно найдет меня. Хотя в душе понимала, что никто меня искать не будет, у меня же никого нет. Я сирота, и потерять меня могут только на работе, да и то ограничатся звонками на мобильный телефон. Не верилось, что кто-то будет подавать в полицию заявление о пропаже.

На мои крики пришел молодой человек, который даже не стал входить ко мне в комнату, а остановился у стеклянной стены.

— Эй, вы! — гневно выкрикнула я ему. — Выпустите меня немедленно! Вы не имеете права меня здесь держать!

Юноша улыбнулся мне, пугая своим сочувственным взглядом.

— Не стоит беспокоиться, госпожа Родионова. Я вам не причиню никакого вреда. Я сейчас принесу вам еды, время обеда.

— Обед?! Сколько времени я уже здесь? — вырвалось у меня.

Я в шоке воззрилась на юношу за стеклом. Он был кареглазым и темноволосым, с легкой щетиной на скулах. Белый халат на угловатой фигуре выглядел неряшливо. Надпись на его бейдже была сделана на английском языке. Правда, вместо привычного имени рядом с фотографией была цифра и пара латинских букв. Куда же я попала? Я придирчиво оглядывала молодого человека примерно двадцати лет. Практически мой ровесник. Мне двадцать пять, хотя я и выгляжу моложе. Он держал в руках планшет стального цвета, из нагрудного кармана торчала ручка. С виду обычный врач-интерн, вот только помещение указывало на то, что я не в больнице, не в частной клинике, а в подвале. Может, так казалось

из-за отсутствия нормальных окон? Но на психику давило все, что окружало меня, а еще и странная стерильность.

— Двадцать часов, — безмятежно отозвался юноша.

— Почему меня здесь держат? Почему дверь закрыта?

Вопросы сыпались из меня, в голове роились страшные мысли, и хотелось оказаться дома, на своем родном диване, перед телевизором. Хотелось очутиться там, где тепло, спокойно и все понятно.

— Вы участвуете в правительственном эксперименте. Так что, как понимаете, искать вас точно никто не будет. Да и нет у вас никого, мы проверяли.

Я попятилась от стеклянной двери, глядя на доверительную улыбку юноши. Эксперимент? Правительственный эксперимент? Я стала лабораторной мышью? Так просто? Взяли, не спросив, украли, и теперь будут ставить на мне опыты?

— Вы не имеете права! Я не хочу участвовать ни в каком эксперименте!

Я хотела кричать, но голос осип. Я жалобно скулила, отходя от бессердечного чудовища в облике «заучки». Вот только теперь я поняла, что такие, как он, самые страшные люди — фанатики своего дела.

— Но вы не расстраивайтесь, Кристина Анатольевна! — с успокаивающими нотками в голосе обратился ко мне юноша, а у меня сердце в пятки ушло.

Они знают, как меня зовут. Вдруг я вспомнила, что в сумочке были мои документы! Ну точно, они теперь обо мне знают все! Даже где я живу, и ключ от квартиры тоже у них!

Юноша грустно вздохнул и ушел куда-то по коридору, а я прижалась спиной к стене, пытаюсь осознать в какую яму угодила. Мне из нее не выбраться. Как наше правительство может такое допускать? Меня даже не спросили. Почему я? Ведь найдутся те, кто за деньги даст добровольное согласие. Почему я?

Юноша вернулся, перед собой он вез столик на колесах. Открыл дверь, толкнул стол внутрь комнаты и снова меня запер.

— Вам стоит поесть. Поверьте, вам не о чем беспокоиться. Вот вы же женщина? — Я подняла на него глаза, не понимая, к чему он гнет. — А любая женщина хочет найти своего мужчину. Вы же до сих пор не замужем, детей нет. Мы подыскивали одинокую женщину. Сам доктор Филипп Уокер выбрал вас.

— Так я здесь потому, что не замужем и детей у меня нет? Да таких в нашем городе тысячи!

Поразительная неудача! Из всех одиноких выбрали именно меня. Да если бы я знала, то... Даже если бы я знала, я не пожелала бы никому оказаться на моем месте. Это страшно — быть подопытным без твоего на то согласия.

— Ну, вы еще очень молодая, и показатели у вас хорошие, — перечислил брюнет, сверяясь с чем-то на планшете. — На здоровье ведь не жалуетесь? — поднял он на меня свои добрые карие глаза.

Я готова была разрыдаться. Да, на здоровье не жаловалась, да и кому жаловаться-то? Не начальству же и не коллегам, у них один ответ на это: будешь на больничном сидеть — мало денег получишь.

Я понимала, что у меня только один шанс избежать участи лабораторной мыши: разжалобить этого юношу, он казался мне сердобольным. Для начала я подошла к столу и подкрепилась. За разговором я смела все с тарелок, так как оказалась голодной.

Было неудобно сидеть перед пареньком в больничном костюме и уминать достаточно

вкусную еду. Может и зря не объявила голодовку, но силы важнее. Я не собиралась сдаваться, а от мыслей о побеге ничто не должно отвлекать.

— А что за эксперимент? Вирусы? Я очень боюсь вирусов. Вы же не хотите из меня сделать зомби?

— Нет-нет, что вы, — тут же утешил меня юноша, следя за мной через стеклянную стену. Я даже привыкла к ней, и она практически не мешала общению с брюнетом. — Вы меня совершенно не слушаете. — Словно школьницу отчитал, подарив при этом снисходительную улыбку. Увидев, что я безропотно ем, он успокоился и даже расслабился, стал более раскованным и словоохотливым. — Но понимаю, что вам страшно. Наш эксперимент называется «Идеальная пара». Если все пройдет успешно, — рука с вилкой замерла у моего открытого рта. Что-то не больно он уверен в успехе. Юноша, видя мою настороженность, бодро заверил: — Я уверен, что все пройдет гладко. Вы станете счастливницей.

Мне бы его уверенность.

— Не понимаю. Идеальная пара. Вы о мужчине и женщине говорите? Звучит как романтический бред.

— Почему бред, — обиделся юноша. — Вы должны понять всю значимость этого эксперимента. В нашей жизни столько разбитых сердец. Люди ищут годами свою любовь, а находя, разочаровываются. А мы создадим идеально подходящую друг другу пару. И не будет больше сомнений.

— Вы хотите сказать, что я стану парой для неизвестного мне мужчины? — язык с трудом поворачивался. Я в шоке смотрела на кивающего мне юношу. — Вас? — на всякий случай уточнила.

— О нет, что вы. Нет, не моей, — поспешно отозвался юноша, покраснев.

— Жаль, — выдохнула я с облегчением. Хотя, может, и немного разочарованно. Этого паренька я уже знала, а того, которого мне выбрали, еще нет. И не факт, что он мне понравится. И вообще, нужно как-то сбежать до того момента, пока не стало слишком поздно.

— Доктор Уокер придумал, как привязать мужчину и женщину друг к другу. Чтобы не было больше измен, сомнений. Вы будете его любить, а он вас. Поверьте, вы будете благодарны доктору.

Я кивнула, внутренне содрогаясь от ужаса, который мне предстоит. Быть привязанной к незнакомому мужчине! Какой кошмар! А если он уродлив или того хуже — не уважает женщин. Многие мои знакомые жалуются, что мужья их бьют, унижают, ни во что не ставят. Нет, определенно, нужно бежать!

Но все романтические и возвышенные рассказы юноши вдребезги разбил знакомый старичок. Юноша как раз забирал у меня столик и только закрыл дверь, обещая вернуться, как пришел он, доктор Уокер. Старичок был в белом халате, лысину прикрывала белоснежная шапочка врача. Он оглядел меня цепким взглядом, пряча руки за спиной, и на ломаном русском решил пооткровенничать, убивая во мне надежду на человечность этого монстра. Доктор Уокер говорил долго, я с трудом пробиралась сквозь строй исковерканных русских слов, изуродованных страшным акцентом, чтобы понять смысл сказанного.

Он рассказал, что правительство нашей страны дало ему установку разработать препарат, с помощью которого будут создаваться идеальные пары, ячейки общества. Сам доктор Филипп Уокер прилетел сюда из США, чтобы принять участие в этом проекте. Но,

как бывает у нас в стране, бюджет нерезиновый и быстро испаряемый. В итоге, из-за отсутствия положительных результатов, финансирование прикрыли. Но доктор, упорный мужчина, решил сам на свои личные деньги продолжать эксперимент. Правда, добровольцев не было. После этого мне стало плохо, так как мужчину мне подобрали не из простых горожан, как я, а беглого уголовника. Я, правда, не слышала, чтобы кто-то сбежал из тюрьмы. Доктору было без разницы, кто попадет для пары уголовнику, главные критерии: молодая, здоровая и желательна не беременная. Хотя последний признак не был столь важен и его можно было опустить. Я ужаснулась цинизму стоящего передо мной старичка, которого я пожалела на свою голову. Лучше бы я прошла мимо! Лучше, да только не так я воспитана, чтобы отказывать в помощи страждущим.

Юноша вернулся и замер рядом с доктором, пряча от меня взгляд. Я поняла, что он обманывал меня и счастливицей я не стану, даже если выживу. Доктор сообщил, что для чистоты эксперимента предпочтительнее выбрать такие разные личности. Тогда это непременно будет убедительным доказательством для заказчиков.

Когда он ушел, я стала просить молодого человека спасти меня. Умоляла его, ругалась, угрожала и снова упрашивала. Мы очень долго разговаривали с безымянным юношей, который так и не представился. Жалости ко мне он не испытывал. Он фанател от идей доктора Уокера и убеждал меня, что мне крупно повезло. Я стану счастливой, так как у меня будет пара, истинная пара. Между нами вспыхнет страсть, и я забуду об одиночестве.

В ответ я пыталась достучаться до ассистента, объясняя, что они ошиблись, и у меня уже есть любимый, что я скоро выйду за него замуж. Но все мои уловки он раскусил, не поверив ни единому моему слову. Да, у меня не было никого. Я была идеальная кандидатура для экспериментов доктора Уокера.

Мой час пробил спустя некоторое время после ужина. Юноша прибыл за мной в компании ассистентов и напомнил мне о благоразумии, посоветовал на жизнь всегда смотреть позитивно. Два высоких незнакомца в белых халатах с хмурыми лицами смирли меня оценивающими взглядами. Я забралась на кровать с ногами, в панике прижимаясь к стене.

— Нет! Нет! — замотала я головой, крича им. — Не трогайте меня! Не смейте!

Дверь открылась. Я метнулась в сторону, но сильные пальцы схватили меня за плечо. Сопротивляться было бесполезно, как и звать на помощь, но я это делала. Прикладывала все силы, чтобы вырваться, сбежать, крича до хрипоты. Меня вели или, скорее, несли по коридору с желтыми стенами. Босая, я практически не задевала пола, вися между двумя бугаями, которые шли, чеканя шаг, по направлению ко входу с надписью «Лаборатория». Брюнет ввел код на двери, и она распахнулась. Я в ужасе закричала еще громче, когда увидела два кресла, расположенные друг напротив друга, и медицинскую аппаратуру, которой было слишком много для небольшой лаборатории. Все эти экраны с мигающими огнями напоминали сцены из фильмов про будущее.

Меня небрежно кинули в кресло и болезненно пристегнули ремнями. Доктор Уокер морщился от моих криков, качая головой. Укоризненный взгляд, которым одарило меня это бесчувственное чудовище, унизил даже больше, чем бесчеловечное отношение ко мне. Мне ввели иголки под кожу. Присоски сдавили виски, а укол в основание шеи заставил замереть, отнимая чувствительность у тела.

— Первая порция сыворотки введена, — отрапортовал безымянный брюнет, не отходя от кресла.

Ассистент доктора, внимательно следя за аппаратурой, одновременно шептал мне, что после эксперимента я буду благодарить доктора, а пока я просто не понимаю, какая честь мне оказана. Я послала его, предлагая поменяться со мной местами. Но ничего, кроме осуждения в ответ, не услышала. Монстры, все они монстры. Для них человек ничто! Просто мясо, в которое можно втыкать иголки и заверять, что они все делают во благо человечества.

Я осеклась, когда в лабораторию под конвоем, так же, как и меня, завели блондина в оранжевой робе и цепях на руках, ногах и даже шее. Его глаза прожигали всех ненавистью. Он был страшен! Все, как я и боялась. Высокий, сильный. Да если он захочет, то походя свернет мне шею и не заметит!

— Подопытный готов, — отрапортовал один из охранников, конвоировавших блондина в зал.

Ненавистный лысый старикашка удовлетворенно причмокивал губами, с любопытством осматривая мужчину через свои большие очки.

Я же чуть ли не скулила, с ужасом встречаясь взглядом с пугающим блондином. Он постоянно дергался, пытаясь скинуть цепи, и скалился, сверкая ледяными глазами.

Доктор махнул на такое же кресло, как и то, в котором была я, расположенное напротив.
— Зафиксируйте его здесь.

Блондина не так просто было закрепить, в отличие от меня. Он бесновался дольше. Но укол сыворотки в основание шеи, и он тоже затих.

Мне с каждой секундой становилось все тяжелее оставаться в сознании. Ощущения от препарата были ужасны. Резко бросило в жар, но тело бил озноб, и холодный пот стекал по позвоночнику. Во рту — сухость, в глазах — песок.

— Ну что ж, подопытные готовы. Приступим? — спросил сам себя старикашка. Охранники отошли за его спину, с каменными лицами наблюдая за нами.

— Первый этап, — прозвучал скрипучий голос. Мысли начали путаться, казалось, что в голове стоял туман... Красное море застилало глаза, ослепляло, и сильная тошнота подступила к горлу. Уши заложило, я четко слышала только биение своего сердца, остальное сливалось в общий раздражающий гул.

— Второй этап, — как сквозь вату пробился голос старикашки.

— Слишком быстро, доктор, — ассистента я слышала еще хуже.

— Все под контролем, — отмахнулся от него Уокер.

Веки налились свинцом и сомкнулись. Хотелось уснуть, но неприятный зуд разрастался снизу живота, завладевая всем телом. Я выгнула спину от острого желания.

— Слишком быстро! Ее организм не справляется! — меня испугало отчаяние в голосе ассистента.

Он единственный, кто хорошо ко мне относился, видел во мне человека, а не подопытную. Но бесстрастный голос доктора отмахнулся от юноши:

— Справится. Организм молодой, здоровый.

По моим венам текла настоящая лава, я выла от боли. Мне казалось, что я сгораю в огне, который терзал все тело. Я попробовала открыть глаза, но от рези и слез все расплывалось. Я пыталась звать на помощь, мысленно умоляла меня спасти. Сердце учащенно билось, и каждый последующий удар отдавался в ушах и пронзал болью грудь. Неужели я умираю? Но мне так отчаянно хотелось жить. Я цеплялась за эту мысль, не давая боли захватить меня целиком. Жар усилился, я медленно умирала от физического неудовлетворения. Между ног был самый настоящий пожар.

Громкий вой, полный страданий, раздавшийся прямо передо мной, заставил содрогнуться мое тело. Я стала биться в кресле в попытке вырваться. Глаза открыты так и не смогла, красное марево никуда не пропало.

Я орала, срывая голос в агонии, и слышала, как мне вторят люди, крича от страха и боли. Страшный скрежет выделялся среди общего гомона. С трудом приоткрыла глаза и ужаснулась.

Подопытный вырвался из своих оков и голыми руками расправлялся с охранниками. Выстрелы его не останавливали, он шел напролом. Яркая роба быстро сменила цвет на красный. Запах крови смешался с другим, дурманящим, возбуждающим запахом. Этот горьковатый аромат проникал в мои легкие, пьяня и сводя с ума.

Взгляд, как приклеенный, следил за передвижениями оранжевой робы. Заключенный был стремителен и неумолим. Он бил людей, словно они были тряпичными куклами. Доктор лежал со странно вывернутой головой. Ассистент был пришпилен ножками высокого стула к стене. Насквозь... Кровь стекала по белоснежным панелям. Юноша был еще жив и с удивлением рассматривал стул, торчавший из него.

Я рыдала, разрываясь между диким ужасом, паникой и желанием. Я мечтала, чтобы эта машина-убийца бросила мучить других и обратила внимание на меня. Хотела и не хотела. Слезы текли по щекам, мешая рассматривать блондина.

И когда я уже застонала от отчаяния, не в силах справиться с собой, он услышал меня! А дальше начался мой личный ад. Вырвав с корнем железные дуги, которыми я была зафиксирована, он дернул меня из кресла. Горячий поцелуй обжег губы, принося долгожданное успокоение. Задыхаясь от восторга, я отдавалась порыву, играя языком, как и мужчина. Как изголодавшаяся, пыталась пить усладу пленительных губ. Треск ткани слышался словно издали, а обжигающее горячее проникновение снесло мне крышу окончательно.

Я превратилась в животное, другого сравнения нет. Надо мной властвовали природные инстинкты, чистая животная страсть. Яростные движения навстречу мужчине приносили болезненные ощущения и судороги наслаждения. Довольный рык блондина заставлял сжиматься мое тело, обхватывать его сильнее. Во мне было так мокро, что неприлично хлюпало, просто уму непостижимо, откуда во мне столько влаги! Волны болезненного удовольствия накрывали, качали, разрывали горло от криков, пока тьма не заволокла сознание.

Очнувшись, лежа на большом горячем теле заключенного. В шоке разглядывала умиротворенное мужское лицо. Когда он спал, то не казался таким пугающим. Но всплывающие воспоминания не давали обмануться. Медленно и осторожно слезла с него. Осматривая некогда белоснежный зал, приходила в тихий ужас. Все было в крови! И стены, и пол, где я предавалась похоти с заключенным, и стекла длинных окон лаборатории. Да и я была вся в крови, в чужой крови. Я не представляла, что в людях столько крови! Он же только шеи им свернул, откуда ее столько? Кровь лилась тонкими струйками отовсюду, образуя лужи на полу... В стенах зияли дыры от выстрелов.

Прижимая к себе все, что осталось от одежды, стала отползать от монстра, с которым я... которого я... Тело вновь стало разгораться, приятный зуд просыпался между ног. Справиться со своим телом, или хотя бы договориться, не получалось. Тело требовало вернуться к спящему мужчине, у которого так маняще приподнималась грудная клетка.

Поднявшись на ноги, на носочках выскочила из лаборатории, прихватив халат с вешалки.

Мне хотелось поскорее покинуть коридор смерти, который был усеян трупами. Я старалась не ступать в лужи крови, шла, оглядываясь назад, боясь в любой момент увидеть монстра, который сотворил все это.

Я вышла на лестничную площадку, измазанную кровавыми следами ботинок. Поднялась вверх по лестнице, ориентируясь по указателям, туда, где находился выход из этого склепа. Да, подземная лаборатория, куда мне не посчастливилось попасть, находилась в подвале, в самом центре моего родного города. Осторожно приоткрыв дверь, вздрогнула и замерла. И здесь, в небольшой комнате, куда вела лестница, тоже лежали трупы. Двое охранников были застрелены в голову. Хотела найти себе приличную одежду, но передумала. Нельзя было терять драгоценные секунды.

Вырвавшись из плена, слепо разглядывала ночной город. Глубокая ночь, пустынные улицы. Я бежала по ним домой, выбирая кратчайший путь. Бежала, сжимая на груди ворот больничного халата. Неслась, не чувствуя боли в босых ступнях. Бежала так, что ветер свистел в ушах. Прочь, прочь от этого ужаса. Прочь от кошмара, мечтая больше никогда не сталкиваться с блондином. Никогда!

Но, как показало время, мечтам моим не суждено сбыться.

Тимур

— Вам, мистер Молотов, выпала честь на себе испытать то, о чем вы с таким рвением вынюхивали для своих хозяев, — обратился по-английски к блондину доктор Уокер. Ученый пропал около года назад, и Тимур не ожидал встретиться с ним в России. Старческий голос отражался гулким эхом от бетонного потолка и серых обшарпанных стен. Тимура держали за решеткой без воды и еды больше двух суток. Смердящий запах давно перестал тревожить мужчину, как и комары, которые не давали спать, и соседство с крысами. Все это было неважно. Куда страшнее то, что ему удалось узнать, но так и не суждено было передать руководству.

— Тимур, вы слышите меня? — назойливо дребезжал голос доктора Уокера, гения, которого живым хотят заполучить секретные службы не только России, но и других стран.

К сожалению, сам Филипп Уокер выбрал себе работу у террористов. Тайная организация не так давно привлекла к себе внимание спецподразделения ФСБ. Наглость бандитов была вызвана поддержкой из-за границы. На счета организации регулярно поступали деньги из-за рубежа.

Руководством спецподразделения было принято решение внедрить своего человека в организацию, и выбор пал на Тимура. В свои тридцать три он имел впечатляющий послужной список. Все операции, которые были доверены ему, он проводил достойно. Но в этот раз удача отвернулась от Тимура. Кто-то сдал его, другого объяснения у Молотова не было. В себе он был уверен, наследить не мог. Поэтому пытался вычислить предателя среди своих. Это помогало не впасть в уныние. Стоящий перед решеткой старик блестел лысиной, смешно поправлял очки, не понимая, почему его игнорируют.

Тимура поймали, когда в его руки попал подробный отчет об опытах, которые ставил американский ученый. Проект назывался «Универсальный солдат». Почему именно в России решили провести первые опыты? Это еще предстояло выяснить. Тимур не успел прочитать до конца всю информацию, которую скачал на карту памяти. Именно в этот момент его и застали в лаборатории. Немало усилий пришлось приложить террористам, прежде чем они сумели поймать Тимура, скрутить его и затолкать в камеру. Его морили голодом, избивали. И

вот издевательства подошли к заключительной части.

— Введите ему это, — доктор протянул шприц одному из охранников. — А затем приведите в лабораторию.

Тимур смутно помнил, что было потом, после того, как ему все же вкололи какую-то дрянь, туманящую разум. Он помнил лишь боль, всепоглощающую, раздирающую каждую клетку тела. Сколько длился этот ад, он тоже не знал. Выплывал из красного липкого тумана, приходя в себя на мгновение, чтобы снова погрузиться в него еще глубже, чтобы сорвать голос до хрипоты, выгибаясь от пронзающих потоков дикой боли. Она приходила волнами, впивалась в тело острыми зубами, и казалось, что не хватит сил вытерпеть ее. Все прекратилось в одночасье, после очередной передышки. Тимур, слепо моргая, рассматривал белый потолок лаборатории, ожидая новые волны агонии. Он, с трудом различая звуки, услышал, что доктор считывает данные, с кем-то общаясь, расписывая невидимому собеседнику, что новый скелет более прочный, чем у обычного человека, да и мышцы превратились в своеобразную броню. Хотя убить универсального солдата все же можно, ведь он живое существо.

Тимур ухватился за это слово, с облегчением прикрывая глаза. Он остался живым существом, как выразался доктор. Живой, а значит, человек. В нем вспыхнула ярость, хотелось отомстить немедленно за то, что с ним сотворил старикашка, но тело нестерпимо болело, каждая косточка, каждый нерв стонал, моля о покое. Тимур лежал на операционном столе, стиснутый железными дугами. Он слушал доктора, который радостно вещал, что эксперимент прошел успешно, осталось лишь подождать и надеяться, что подопытный не умрет. Ученый не спешил докладывать заказчику, решил переждать трое суток, за которые станет понятно, прижились ли усовершенствования и не будет ли побочных эффектов.

Тимур усмехнулся: умирать он не собирался, а вот чья-то жизнь начала отсчитывать свои последние минуты. Они хотели превратить его в послушного раба, в тупую машину для убийства, но еще не поняли, что так просто не сломить волю русского солдата. Тимур, после того как высыпался и мог контролировать свое тело, не раз громил лабораторию, куда его водили под конвоем для обследования. Доктор Уокер с восторгом вынимал из тела своего подопытного пули, которые вязли в мышцах, не причиняя катастрофических повреждений. Регенерация у Молотова была практически мгновенной. Все заживало как на собаке. И это был очередной повод не оставлять попыток убить старика со всей его командой.

Тимур понял, что ждать спасения ему неоткуда. Он должен сам позаботиться о себе. Нельзя допустить утечки информации об успехе проекта, и о том, в кого его превратил сумасшедший гений. В зеркале Тимур видел незнакомца вместо себя прежнего. Некогда бесстрастное лицо стало жестким, пугающе хмурым. Он раздался в плечах, тело обрело объем, подчеркиваемый выступающим рельефом мышц. Блондин с силой впечатал кулак в зеркало, осколки осыпались на пол вместе с цементной крошкой. Прищурившись, Тимур усмехнулся, оглядывая непострадавшие костяшки пальцев.

— О, я вижу, вы в прекрасной форме, — заявил доктор Уокер, который встал возле решетки, с любопытством осматривая блондина в оранжевой робе.

Он боялся подойти ближе, даже не смотря на надежную охрану. Продемонстрировав наушники, ученый надел их, с превосходством заявляя:

— Я вживил вам, мистер Молотов, контролирующие чипы. Так я смогу управлять вами. Сядьте, — жестко добавил он.

Тимур схватился за голову: от пульсирующей боли в висках перед глазами потемнело, а

ноги подкосились. Но блондин, подойдя к кровати, оперся руками о матрас, рыча, заставляя тело сопротивляться властному, отнимающему волю голосу. Тимур злился, ненавидя всем сердцем старика, который ломал его, собираясь сделать марионеткой в своих руках.

— Подчинись, — хлесткие слова били по нервам. — Сядь!

Подчиниться хотелось, хотелось угодить хозяину, но вместо этого Тимур стоял, напрягая руки так, что они тряслись, а вены на них вздувались от напряжения.

Доктор Уокер снял наушники, разочарованно шепча, что стоит подправить частоту и добавить усилителей, убрал их в карман белого халата и ушел. А Тимур устало завалился на подушку, страшась следующего раза. Теперь он понял весь замысел доктора. Это слишком страшно, когда чужой голос сильнее голоса разума и совести.

Так продолжалось несколько дней. Доктор никак не мог сокрушить волю стойкого блондина, который в ярости пытался сломать железные прутья своей клетки, рвался наружу с желанием убить всех, находящихся в лаборатории. Стереть с лица земли эту тюрьму, эту пыточную! Тимур отчетливо понимал, что сходит с ума. Голос доктора ему снился во снах, и сны превращались в кошмары.

— Подумайте о своих родных, мистер Молотов. Если вы не подчинитесь, они погибнут, — как-то раз решился на уловку доктор Уокер. Он хотел надавить на Тимура, припугнуть жизнью его родных. — Ваша мать, отец, неужели вы хотите их смерти?

Тимур стоял так близко к прутьям, что мог бы пропихнуть руку между ними и схватить докторишку, если бы тот не находился у стены под защитой четверых охранников, вооруженных пистолетами с транквилизаторами.

— Воскреси их, чтобы отнять у них жизнь, — усмехнулся Тимур, наслаждаясь страхом в глазах охранников и старика.

С каждым днем он чувствовал, что становится сильнее, и это видели его тюремщики.

— Если вы не подчинитесь, мы вынуждены будем убить вас, — возмутился доктор Уокер.

— Неужели ты думаешь, что после того, во что ты меня превратил, я не мечтаю об этом? Я обязательно умру, но только после тебя, старик. Молись, так как это будет очень скоро.

— Значит, терять вам нечего, — расстроено шепнул ученый. — Придется это исправить.

Доктор ушел, а охранники остались, надевая защитные маски. За спиной блондина зашипел газ. Он обернулся, вскричал в сердцах, понимая, что его действительно решили убить. Газ проникал в легкие, а тело наливалось слабостью. Затем опять пришла боль, она терзала не столько тело, сколько голову измученного мужчины. словно раскаленные спицы пронзали виски, впиваясь в мозг... Тимур кричал, из глаз лились слезы, но облегчения они не приносили. Лишь когда вновь раздался голос доктора Уокера, отдающего приказ о завершении, пришло успокоение.

Мужчина очнулся уже привычно прикованным к столу. Ненавистный зал лаборатории был полон ассистентов и охранников. Сам доктор тихо шептался с молодым помощником. Юноша с черными волосами постоянно кивал, внимательно слушая старика, кидая косые взгляды на Тимура. Они явно готовили для него очередную гадость. Не наигрались в создателей.

— Итак, мистер Молотов, я решил кое-что подправить, чтобы вы были более послушным. Для этого я внес коррективы в ваши настройки. Теперь вы не можете убить ни себя, ни хозяина. Это для безопасности. Вы становитесь очень агрессивным, это и хорошо,

но и опасно. А еще я кое-что нашел в старых архивах. Очень старая разработка советского ученого. Я ее немного подправил, модернизировал. Очень скоро вам будет что терять, мистер Молотов, — надменная улыбка озарила старческое лицо доктора Уокера. — И вот тогда вы будете подчиняться приказам так, как положено.

Тимур лишь догадывался, о чем говорил его мучитель. Блондина везли на специально приспособленной под него каталке в камеру. Его руки и ноги охранники заковали тяжелыми кандалами, Тимур чувствовал холодный металл рабского ошейника, цепь которого тянулась к оковам на руках.

Вот он и стал собакой, цепным псом. Эта мысль вывела его из себя, прожигая внутренности унижением. Он сам себе был противен за слабость, за то, что позволил кому-то так издеваться над собой.

Внутри него бушевали страсти, которые вырвались на волю, и Тимур стал крушить скудную мебель в камере. Охранники, чтобы успокоить взбесившего блондина, выстрелили в него транквилизатором и позвали подкрепление. А Тимур бился о железные прутья, пытаясь выдавить их своим телом.

Препарат начал сковывать движения. Молотов чувствовал себя животным, которое угодило в клетку, он, шатаясь, продолжал стоять, хватаясь за решетку. Тимур затуманенным от транквилизатора взглядом обвел своих тюремщиков. Он не желал останавливаться, в голове была одна только мысль: убить доктора, убить его, смять, разорвать на куски.

Когда он рухнул на пол, охранники не сразу решились войти в камеру и убрать разломанную кровать. Оставили лишь матрас, на который никто не рискнул закинуть подопытного. Мужчины с трудом подавляли в себе страх перед этим монстром. Еще через два дня доктор Уокер приказал привести подопытного в лабораторию. Тимур не собирался облегчать задачу своим тюремщикам, он сопротивлялся, с большим удовольствием ломая носы тем, кто слишком близко осмеливался к нему подойти. Когда Молотова ввели в лабораторию, он, как обычно, искал глазами доктора, а первой увидел шатенку с испуганными серыми глазами на бледном лице. Невысокая, хрупкая, она была прикована к креслу и жалко смотрелась в голубом больничном костюме.

По приказу доктора Тимура приковали к креслу напротив девушки. Кто она и зачем здесь, Тимура сейчас не интересовало. Он пытался не пропустить ни одного важного слова, прислушиваясь к разговору доктора и ассистента. Они приступили ко второму этапу, и опять в вены была введена какая-то дрянь, разжигающая кровь. То же самое ввели и подопытной. Ее крик взорвал спокойствие в лаборатории. Ассистент занервничал, но доктор от него отмахнулся, как от надоедливой мухи. Он приказал продолжать эксперимент.

Вены жгло, словно по ним бежала лава, девушка на соседнем кресле уже тихо скулила, подергиваясь всем телом.

— Теперь она станет более выносливой и будет больше подходить нашему мистеру Молотову. Слышите меня, мистер Молотов, — где-то рядом издевался старик.

Но все внимание Тимура было приковано к хрупкой женской фигуре. Ее голос закрадывался в самую душу, бередило сердце.

— Теперь она станет вашим слабым местом. Вы на все пойдете ради своей пары. Ее жизнь зависит от того, как хорошо вы будете подчиняться моим приказам, — шелестел голос доктора Уокера.

Тимур сжимал кулаки, ясно понимая, что та, кто была сейчас перед ним, — это самое желанное из того, что есть на свете, самое ценное, самое соблазнительное. Желание

просыпалось, распаяя и без того горячую кровь. Слова о том, что девушке угрожает опасность, затмили разум гневом. Железные цепи разлетелись в стороны, а шея доктора Уокера, наконец, оказалась в стальных пальцах Тимура.

Час возмездия настал. Он вырвался на свободу, круша все, до чего мог дотянуться, он убивал всех, кого видел, упиваясь своим всесилием. Черепа охранников лопались, хрупкие кости с приятным хрустом ломались. Ответные пули рвали кожу на теле Тимура, но не причиняли существенного вреда. Все, кто измывался над ним, один за другим гибли, пока за спиной не раздался стон, полный страстного призыва. Тимур обернулся к незнакомке, ощущая нестерпимое желание взять ее. Она должна стать его, сейчас же.

Он не осознавал что творил, освобождая девушку от оков, от одежды, царапая ее кожу, оставляя кровавые следы испачканными пальцами. Он вторгся в ее лоно, подмял под себя, рыча от умопомрачительного наслаждения. Он потерял контроль над собой, тараня тело девушки своей плотью, пока не испытал облегчение от разрядки. Но оно схлынуло слишком быстро из-за тихих стонов девушки, изнывающей от порочного огня, сжигающего ее изнутри.

Тимур раздраженно прислушивался к своему телу, которое в паху снова наливалось силой. Ее голос заводил блондина, а стоны сводили с ума. Он пронзал ее своим естеством, требуя ответа на свой вопрос. Он должен знать, кто она — его слабость.

— Кристина, — шепнула девушка, и ее голос сорвался на крик, так как Тимур ускорился, желая поскорее успокоить свое тело.

Он удовлетворенно урчал, изливаясь в лоно девушки второй раз и третий. Бешеный заезд продолжался, казалось, бесконечно долго, за это время в лабораторию сбежались еще охранники. Они не знали, что делать со зверем, который у них на глазах предавался похоти. Зато Тимур не терялся в сомнениях, он сумел дотянуться до пистолета, оброненного одним из погибших.

Оставив Кристину, он убивал набежавших меткими выстрелами, даруя быструю смерть, так как тело требовало вернуться в горячее влажное лоно продолжить прерванное занятие. Поэтому Тимур спешил, обходя всю лабораторию, не давая никому шанса сбежать, даже тем, кто охранял вход в эту обитель зла. Когда в живых не осталось никого, Молотов вернулся к обнаженной девушке. Одного взгляда хватило мужчине, чтобы возжелать ее, грязную, лежащую сломанной куклой на окровавленном полу среди осколков стекла и пластика.

Тимур не сказал бы, что она красивая и привлекательная, но она манила к себе, как магнит, разжигая в нем пламя страсти. Молотов прицелился прямо между точеными бровями девушки, но палец, так спокойно нажимавший всего несколько секунд назад на этот курок, вдруг задрожал, немея. Тимур ощутил оцепенение от мысли, что хочет убить незнакомку. Он оскалился, собрал волю в кулак, снова попытался нажать на курок, но результат был плачевный. Его всего затрясло, испарина появилась на лбу, а палец словно окаменел, руки ослабли.

Тогда Тимур решил убить себя, но все опять повторилось. Он с легкостью разгибал толстые пластины железа, снимая с себя ошейник и браслеты, а курок оставался для него непосильно тугим. Для проверки он сделал пару выстрелов в трупы, лежавшие рядом. От громкого звука очнулась Кристина, и безумство повторилось. Тимур в жизни не вел себя как изголодавшееся животное, но сейчас он брал девушку, с остервенением вколачиваясь в нее, желая поскорее получить разрядку, и даже когда она вновь потеряла сознание, продолжал. Лишь достигнув оглушающего экстаза, он успокоился и, прикрыв глаза, лег на пол, кладя себе на грудь легкую как перышко девушку. Она его слабое место, та, кого он не смог убить.

Он не мог убить ни себя, ни ее.

Слова доктора Уокера повторялись в голове, как заезженная пластинка: «Теперь вы не можете убить ни себя, ни хозяина. Это для безопасности... Ни себя, ни хозяина... Ни себя, ни хозяина...»

Он не заметил, как уснул, казалось, задремал на пару минут, но когда открыл глаза, Крис уже не было. Он выбежал на улицу, следуя по кровавым следам аккуратных ступней, оглядел пустые улицы ночного города. Выругался, прекрасно понимая, почему девушка сбежала. Он не мог броситься за ней в погоню, сначала нужно было уничтожить все, что могло вывести на него, и все упоминания об эксперименте.

Тимур долго провозился, собирая всю имеющуюся информацию на карту памяти, заодно изучая, что с ним сотворил старик. Пули в теле тревожили, нужно было найти врача, чтобы вытащить их. Предстояла огромная работа. Но Тимур искал ответ, как избавиться от навязанной девчонки. Мысли о ней отвлекали блондина, он беспокоился, понимая, что она может угодить к нехорошим людям. Она наследит, позвонит в полицию или еще куда, а это привлечет к ней внимание. Нужно было спешить с уничтожением улики.

Он перекачал файлы, помеченные как эксперимент «Идеальная пара», а также все контакты, с которыми вел переписку доктор. Переодевшись в найденные вещи охранников, он собрал паспорта, деньги из сейфа в рублях и иностранной валюте, прихватил сумочку Кристины с ее документами, а также ее платье и туфли, от которых исходил дурманящий разум аромат. Нужно было срочно найти девушку: тело опять начало предавать Тимура.

Тимур прихватил и личные вещи Уокера, а затем устроил поджог, чтобы огонь уничтожил любые следы пребывания здесь Молотова. Он умер для своих. И, возможно, его считают предателем. Но таким, каким он стал, Тимур не желал объявляться перед начальством. Он испытал на своей шкуре, что значит быть подопытным, а в управлении так просто от него не отстанут, и он это прекрасно понимал.

Пожар, устроенный им, полыхал всю ночь. Здание, некогда входившее в огромный комплекс пивоваренного завода, сдавалось в аренду. Молотов, удостоверившись, что никто из спецслужб не прибыл к месту происшествия, направился за Кристиной, но не успел. Квартира была заперта. Открыв дверь ключом, найденным в сумочке девушки, он оглядел беспорядок, учиненный хозяйкой квартиры, которая в спешке собирала вещи.

Тимур со вздохом расстроено оглядел двухкомнатную квартиру. Куда она могла деться? Он порылся в документах и фотографиях, но нигде не было упоминаний ни о родственниках, ни о какой другой недвижимости. Девушке не к кому было податься, кроме друзей.

Покинув многоэтажку, блондин занялся поисками нелегальных врачей, благо по специфике своей работы он знал, как с ними связаться. Денег, которыми Тимур разжился, с лихвой хватило бы, чтобы прожить несколько лет.

Хмурый молодой аспирант медакадемии вопросов не задавал, молча делал свое дело, прикрывая лицо маской. Его не смущал ни подвал, где они находились, ни тусклое освещение, а получив деньги, парень ушел, оставив блондина разбираться с окровавленными тампонами и пулями.

Утром Тимур поджидал Кристину напротив здания архива, прячась в тени деревьев небольшого парка, четко понимая, что он зря теряет время. Девчонка сбежала, не позвонив в полицию. В больницы, которые обзвонил Тимур, она тоже не поступала. Лишь через несколько дней он вышел на ее след.

Умная девчонка подала заявление о пропаже паспорта. Тимур решил дать ей время

почувствовать себя в безопасности, отдышаться на тот срок, пока делают новый документ. А сам занялся поисками коллег доктора Уокера, разбросанных по миру, коих было много. Параллельно налаживал связи в бандитском мире, не собираясь бросать задание, которое ему было поручено. Он решил уничтожить всех, кто причастен к проекту «Универсальный солдат», чтобы защитить себя и Кристину. Как бы Тимур ни был на нее зол, но ее безопасность была для него крайне важна.

В день, когда паспорт был готов, Тимур стоял на улице в тени деревьев возле здания, где находился паспортный стол, ожидая, когда появится беглянка. Мысли о ней тревожили Тимура, он постоянно злился на нее за то, что сбежала, злился на себя, что не мог ни о ком думать, кроме нее, и из-за этого не мог разобраться с тем, что прочитал в записях доктора Уокера. Там четко было прописано, что девчонка должна стать объектом давления на Тимура, слабым местом, ради которого он будет исполнять все что угодно. Только что-то явно пошло не так, не должно было быть постоянного желания отодрать беглянку во всех позах за то, что та осмелилась без разрешения сбежать, пока он спал.

Его тревожила маниакальность, с которой он дожидался Кристины. Он никогда ни о ком не заботился в своей жизни. Всегда только исполнял приказы, полагаясь на свои силы, а тут...

— Ну и где же ты? — шепнул Тимур, оглядывая залитую солнцем улицу. Никого даже отдаленно похожего на Крис не было. Молотов не ожидал, что она не придет. Простоял до самого закрытия. Так продолжалось два дня. Он приходил к открытию и уходил вместе с последним сотрудником паспортного стола. Девчонки он так и не встретил, хотя и чувствовал, что она где-то рядом. Тело сладко ныло, наливаясь похотливым желанием, поэтому он и не уходил, зорко вглядываясь в прохожих.

На третий день пришли сведения о парочке докторов, которые принимали участие в разработках Уокера. Терять время Тимур больше не мог, поэтому покинул страну по поддельному паспорту. За это время Кристина сумела беспрепятственно получить документы. Молотов успокоил себя тем, что теперь ее будет проще отследить. Сам он полгода убил на то, чтобы заставить докторов сделать его обычным человеком. Вот только все сводилось к одному: его пытались усыпить и продать. Но инстинкты Молотова всегда вовремя сообщали об опасности, и все больше людей погибало от его рук. Но проблему это не решило, изнутри его прожигала тоска, он, словно зверь, постоянно вдыхал воздух, чтобы уловить дурманящий аромат, но его не было. Силы держаться вдали от Кристины иссякали. Проститутки, да и обычные девки из бара, не могли утолить съедающий его голод, от их прикосновений тошнило, они злили Тимура, и он порой не сдерживал себя, психовал от того, что все эти липнувшие к нему женщины не Кристина. Ему нужна была только она, хрупкая шатенка с серыми глазами, наполненными туманом страсти, он хотел услышать ее сладострастный стон.

Тимур, прикрыв глаза, сидел за круглым столом в темном подвале. Уже прошел год, как он вернулся в Россию. Террористическую организацию он уничтожил подчистую. Убрал всех исполнителей, организаторов, связных. В информации, которую он сумел нарыть из спецотдела ФБР, говорилось, что Тимур Молотов предал своих, стал террористом и погиб во время пожара в закрытой лаборатории. Это было ему на руку, но бесславие обижало. Ведь он никогда не был предателем, всю свою жизнь положил на алтарь служения родине, и если бы не этот инцидент, если бы он не стал подопытным в лаборатории Уокера, то продолжал бы служить.

Тимуру пришлось пересмотреть многие жизненные позиции, одной из которых стало отношение к Кристине. Нужно было избавляться от нее. Где она живет, он знал, поэтому заказал ее киллеру, а сам сидел и играл в покер со своими новыми друзьями. Бандитский мир открыл для него новые возможности, теперь он мог исподволь продолжать работать на благо страны, разваливая банды, одну за другой, прихватывая их «общаки».

В этот день карта к нему не шла, да и все мысли были только об одном: о девушке, которую сейчас пасет киллер, и что в любой момент тот может нажать на курок.

— Эй, Тигр, будешь раскрывать карты? — грубоватый голос одного из братков отвлек его. Для Молотова стали привычны такие помещения: темные, пропахшие куревом, наполненные густым туманом сигаретного дыма и тусклым светом ламп. За круглыми столами обычно сидели бывшие зеки, а также воры в законе. Теперь Тимур все чаще общался с ними, так как только среди таких, как они, мог скрывать беснующийся гнев, который все чаще вырывался наружу.

Тимур вздохнул, бросил карты, открываясь, а сам встал и, попрощавшись со всеми, ушел. Он чувствовал, как все внутренности скрутило, как тело само кидало его вперед, заставляя бежать. Зная адрес Кристины, он легко вычислил место, где засел киллер. Мир превратился в красное море, Тимур неслышно подобрался к убийце и свернул ему шею. Тело опало к его ногам. Молотов взял винтовку и разглядывал через прицел улицу и подъезд, возле которого замерла Кристина. Она была все так же притягательна, даже по прошествии полутора лет не изменилась. Стоя возле красной двери в желтом плаще, она сжимала в руках сумочку, озираясь по сторонам, а ее голые коленки приклеили к себе взгляд Тимура. Испуганная. Трепетная. Его. Он знал, какая она мягкая внутри, как приятно погружаться в ее лоно. Он помнил ее голос, ее робкие пальчики, которые гладили его по плечам.

Тимур рыкнул, когда грубая застежка на ширинке впиалась в налившуюся желанием плоть. Кристина словно почувствовала его взгляд и неожиданно подняла голову. Тимур перехватил винтовку, снимая ее с предохранителя. Нужно было избавиться от соблазна, от этой девчонки, от взгляда на которую мысли отключались, уступая место животным инстинктам. Она стала не просто его слабым местом, она стала слишком раздражающим фактором. Палец закаменел, когда нужно было нажать на курок. Тимур, стиснув зубы, старался подчинить себе тело, но миг был потерян. Кристина сорвалась с места, убегая от подъезда, а палец, наконец, нажал на курок. Пуля впиалась в асфальт там, где ранее стояла девушка.

Тимур выдохнул, проклиная свою слабость. Он не мог ее убить, и себя не мог, столько раз пытался. Оставалось продолжить поиски того, кто исправит содеянное доктором Уокером. Но в живых был лишь один последователь Филиппа — Артур Макинян, который жил в Подмосковье и работал в университете. Он интересовался идеями доктора Уокера, состоял с ним в переписке, но не был причастен ни к одной службе, Молотов проверил. Простой русский молодой ученый, в котором разгорелся интерес.

Через год продуктивной работы с Артуром, Тимур приехал в университет для проведения опытов. Молотов очень нервничал, не веря в то, что, наконец, все получилось. Он сел в кресло, а смуглый парнишка рассказывал, как это было сложно. Артур продемонстрировал закупоренные колбы, хвастаясь, что, наконец, получил награду за сыворотку, которая притупляет запах тела, делая человека невидимым для обоняния. Тимур на себе испытал ее и сумел подобраться к Кристине достаточно близко, но тем не менее она уловила его приближение и опять улизнула. Это разозлило Молотова, но он не оставлял

попыток поймать ее, как зверь, выслеживал свою жертву, и она все больше теряла бдительность. Тимур раз за разом с улыбкой смотрел, как тревожно она оглядывается, совершенно не понимая, что ее беспокоит. Она не видела его, не слышала, но чувствовала и боялась.

Новая разработка Артура должны была вернуть его к прежней жизни, без охоты на сероглазую лань, должна была уничтожить привязку к Кристине. Когда парень подошел к Молотову со шприцом в руке, тот сорвался с места и, заломив ему руку, ввел приготовленную сыворотку Артуру.

— Ты чего? — обиженно удивился юноша, а Тимур отпустил его, рассматривая свои руки.

— Ты ошибся, — произнес он. — Это не помогло бы.

Сердце билось в груди от прилива адреналина. Опасность была так близка. Не верилось, что парень хотел его убить, ведь Тимур впервые кому-то так доверился.

— Нет, я все правильно рассчитал, — Артур потирал место укола, обеспокоенно глядя на Тимура. — Все перепроверил, сверился с записями. Это бы помогло. Все строго вымерил, клянусь.

— Это убило бы меня, — не согласился с ним Молотов. — Прости, я не хотел тебя убивать.

— Убивать? — удивился Артур, затем покачнулся, хватаясь рукой за кресло, на котором недавно сидел Тимур. — Оно не должно убивать.

— Ты ошибся, прости, — сокрушенно шепнул Тимур своей угасающей надежде. Это был последний шанс измениться, стать человеком. Но, видимо, процесс необратим, и осталось лишь одно: смириться с присутствием Кристины в его жизни.

— Оно не должно убивать, это не яд, — тихо шептал Артур, оседая на пол.

— Я верю, — отозвался Тимур.

— Я же проверял на мышах, — Артур обернулся к клетке, где находились живые мыши, беспокойно шевелящие усиками, водящие носами по воздуху. — Просто увеличил дозу, — чуть слышно добавил он, жалобно глядя на Молотова.

— Видимо, слишком увеличил. Я чувствую, когда мне грозит смертельная опасность. Прости.

Ему было жаль парнишку, но он ничем не мог ему помочь, только устроить панику и вызвать скорую. И то после того, как Молотов уничтожил все данные о проекте, над которым Артур работал. Тимур нес на руках юношу, который цеплялся за его шею, пытаясь что-то сказать.

— Скорее, вызовите скорую! Он что-то себе вколол и, кажется, умирает! — кричал Тимур, спускаясь на первый этаж. Выбежав на улицу, он дождался скорой, передал им паренька, который захрипел, а изо рта пошла пена.

— Эпилепсия? Он болен? — спрашивала его женщина-врач, а Тимур лишь пожимал плечами. Студенты высыпали на крыльцо, с любопытством глядя на суету вокруг кареты скорой помощи, образуя небольшую толпу. В ней блондин и растворился, уходя прочь. Он знал, что парень умрет, так говорили ему инстинкты, чтобы ни говорил Артур, но в шприце был яд.

Вернувшись обратно в Междуреченск, где спряталась от него Кристина, Тимур вспоминал слова Артура перед смертью. Она не должна его почувствовать, он сможет поймать ее, если не будет спешить.

А спешить стоило. В банде, в которой он занимал далеко не последнее место, затевалась выгодная афера. Тимур должен был поучаствовать в ней. Но вспышки неконтролируемого гнева все чаще случались с ним, порой в самый ответственный момент он начинал убивать тех, кто осмеливался перечить ему. От любого томного взгляда незнакомки он мог взбеситься, так как порочный огонь все больше погружал его в кошмар, даже по ночам Кристина снилась ему, преследуя, как наваждение.

Тимур

— Босс, вы как?

— Еще раз спросишь меня об этом, зубы пересчитаю, — процедил Тимур Серому.

Они ехали в клуб, куда Кристина собралась с подругами. Молотов пытался контролировать свое тело, чтобы девушка опять не ускользнула.

Серый над ним глумился весь вечер с того самого момента, как девка одного из главарей после безуспешных приставаний обозвала его импотентом. Впервые Тимур ударил женщину. Это стало для него шоком и последней каплей, переполнившей чашу терпения.

А ему требовалась чистая голова, так как предстояла очередная сходка, на которой Тимур станут известны члены новой террористической организации, устроившей здесь, в Сибири, лагерь подготовки боевиков. Старый след таинственных спонсоров из-за границы, оплачивавших опыты доктора Уокера.

— Все пойдем? — уточнил Алик, новый помощник Тимура.

Но ни ему, ни Серому Молотов не доверял, только себе. Кто для него Кристина он не распространялся, лишь издали следил за ней. Многим было известно, что Тигр тайно вздыхает по кому-то. Кто эта таинственная женщина, не было известно пока ни одному человеку. Но совсем недавно Тимур прокололся на глазах своих людей. Он ехал на встречу и случайно увидел Кристину через витрину магазина. Она стояла в очереди к кассе, разговаривая с подругой. Тимур приказал остановить машину, вышел из нее и медленно приблизился к магазину. Девушка не заметила его, весело улыбаясь подруге. Молотов не мог поверить, что так близко сумел подойти. И если бы не Серый, который напомнил, что нужно спешить на встречу, он бы непременно ворвался в магазин и поймал бы Кристину. Мысли о том, что бы он сделал с ней потом, отравляли душу несколько дней, даже самоудовлетворение не приносило разрядки.

— Да. Все. Она не обрадуется, увидев меня, — мрачно процедил Тимур, предвкушая охоту.

Бар был небольшим, но одним из самых популярных в этом районе города. Вывеска мигала яркими буквами, призывая заглянуть на огонек. Припарковав машину прямо перед входом, Тимур проигнорировал бравых ребят из охраны, которые хотели сделать замечание, но, узнав Тигра, отошли в сторону, кивая в знак приветствия.

Молотов даже не представлял, что скажет ей, что сделает. Он не собирался раскрывать всех тайн Кристине, всего лишь запугать, так как понимал, что, привлекая к ней внимание своих врагов, принесет ей много неприятностей. Поэтому она должна быть послушной. Зал для танцев был удивительно пуст. Посетители сидели за столиками, выпивали. Были те, кто предпочитал стоять у стен, общаясь. А вот истинных любителей танцев не наблюдалось, диджей в одиночку пританцовывал под музыку, погруженный в свой мир света и звуков.

Подруг Кристины Тимур заметил сразу, а вот самой девушки не увидел. Оглядев зал еще раз, присмотрелся к барной стойке, но, не найдя Кристину, направился к ее подругам, радушно приветствуя их. Он достал телефон, отыскал снимок Родионовой и продемонстрировал опешившим девушкам.

Подруги дружно солгали, что незнакомы с Кристиной. Их скованность и нервозность выдавали их с головой, как и беглый взгляд на стол. Тимур потянул носом воздух, отмечая,

как сладкая боль стягивает мышцы паха.

Кристина была здесь, в этом зале, даже больше, она была рядом. Усмехнувшись, Тимур присел, поднимая край скатерти, с облегчением, наконец, встретившись со своей беглянкой взглядом.

— Ку-ку! — весело шепнул он, прекрасно понимая, что Кристине никуда не деться. Правда, он не ожидал от нее такой прыти и немного опешил, когда она сорвалась с места и бросилась наутек. Он бежал за ней, отшвыривая стулья и расталкивая посетителей бара. И с большим удовольствием сцапал у самого выхода, закинул на плечо и под изумленные взгляды как охраны, так и подруг Кристины, вышел с добычей на улицу.

* * *

Кристина

Меня запихнули в салон машины, а следом блондин сел сам. Дверца хлопнула, и мужчина тут же усадил меня верхом на свои колени. Длинный подол юбки резко оказался в области талии, открывая для свободного доступа все, что было скрыто. Я упорно пыталась руками вернуть подол на место, зажмурившись, унимала разыгравшееся воображение.

— Не надо, — умоляюще прошептала.

Сопровождающие его мужчины сели в машину, и она тронулась с места.

— Кристина, ты меня убить решила? Не мучай больше, — горечь в голосе шла вразрез с наглыми руками блондина.

Он не оставлял выбора, не просил, а брал то, что считал нужным. И мое мнение его не волновало. Ни тогда, ни сейчас.

И как бы я ни сопротивлялась, тело предало меня. Выгнулась, когда его пальцы нашли пульсирующую точку, прячущуюся под тонкой тканью нижнего белья. Я застонала, цепляясь за его руку.

— Зачем сбежала? — прошептал мужчина, массируя возбужденный бугорок. Волны желания накатывали одна на другую, путая мысли.

— Ты так же мучилась, как и я, — вкрадчивый шепот щекотал напряженные нервы.

Блондин уже снял ремень и расстегнул молнию. Я замотала головой, не желая сдаваться. Я сильная, я смогу. Это просто секс, секс нужен телу. А как только оно его получит, я сбегу. Один раз сбежала, смогу и еще.

— Не хочу, — сквозь мученический стон выдохнула, приподнимая бедра.

Это была ложь. Я сама хотела поскорее принять в себя мужчину. Всего и сразу.

— Вреш-ш-шь, — выдохнул блондин, обхватил за ягодицы, насаживая на себя.

А дальше опять безумие завладело как моим телом, так и сознанием. Жар, стоны, болезненные толчки и яркие звезды. Боль на грани наслаждения. И чем дольше продолжалось это сумасшествие, тем больше я плавилась. Руками зарывалась в короткие светлые волосы, искала губами его. Ревела, моля не останавливаться, и замирала, опадая от изнеможения. Уже засыпая, услышала удовлетворенное рычание, чувствуя горячую влагу на моих бедрах, стекающую вниз. Как пошло и унизительно.

Снилась мне мама, выговаривающая мне, что я девушка воспитанная и должна вести себя соответственно. Никаких вульгарных нарядов и вызывающего макияжа. Скромный взгляд в пол, когда разговариваю со старшими. Никаких ужимок, которые многие мужчины

расценивают, как предложение провести с ними ночь.

— Крис, — вырвал из сна шепот блондина.

С трудом разлепив глаза, я встретила с холодным взглядом мужчины.

— Как тебя зовут? — сипло спросила у него то, что меня больше всего интересовало.

Я же столько информации в подшивках российских газет за прошедшие несколько лет перекопала, но так и не узнала, кем являлся мой единственный. Его словно не существовало, но робкая надежда, что это был лишь страшный сон, не хотела приживаться. Слишком много доказательств того, что это было наяву, и главным из них являлась я. Не знаю, что ввел мне доктор, но я изменилась. За эти годы ни разу не заболела, порезы и ссадины заживали на глазах. Поэтому я знала, что он существует. Каждую ночь я видела нас во сне. Каждую ночь просыпалась со слезами на глазах, зажимая руки между ног. И только холодный душ по утрам был мне спасением.

— Тимур, — ответил блондин, нависая надо мной.

Бросив быстрый взгляд по сторонам, я осмотрелась и поняла, что мы находимся в спальне. Я, голая, лежала на большой кровати, застеленной белой простыней, холодившей кожу. Блондин тоже голый и уже готовый. Узрев это, жалобно застонала. Мое тело насытилось, а его нет!

— Только не реви, — приказал Тимур, и от стальных ноток в голосе мое тело вновь проснулось, выгибаясь навстречу.

Резко и до упора! Больно до крика и приятно до одури. Успокаивающий поцелуй пил мои стоны, а я вновь предала себя, обхватив мужчину за шею руками. Быстрые движения возносили к заоблачным далям, туда, где не думаешь, превращаясь в одну туго натянутую струну, на которой мастерски играл блондин, доводя до измождения, даря блаженство с привкусом горечи.

Резкий разворот, и вот я уже стою на коленях. Голову поднять не давала сильная рука, вдавливающая в подушку. Слишком глубокие проникновения отзывались болью и только болью. Никакого наслаждения. Вырваться не получалось, оставалось лишь терпеть. Вцепилась зубами в подушку, сдерживая рыдания. Уговаривала себя, что осталось чуть-чуть. И не заметила, как в какой-то миг и в такой истязающей позе стала таять от острых уколов удовольствия. Громкий рык принес удовлетворение большее, чем все остальное. Блондин остановился, мелко вздрагивая.

Когда большое и тяжелое тело придавило меня к кровати, испуганно взвизгнула.

— Проклятье, когда же это закончится? — в сердцах прошептал мне Тимур.

Повернулась лицом к нему, робко рассматривая мужчину. Глубокие мимические морщины залегли в уголках глаз и губ. Темные круги под глазами оттеняли кожу.

— Не знаю, — решила ответить. — Слезь с меня. Я задыхаюсь.

Блондин скатился набок, оплетая меня ногой и рукой. Но я уперлась в торс ладонями, выдерживая дистанцию. От его запаха у меня кружилась голова. Так и порывало уткнуться носом и наслаждаться ароматом мужского тела.

— Не смей сбегать. Убью.

От стали в его голосе я замерла, в шоке рассматривая его лицо. А он подарил мне в ответ твердый холодный взгляд ничего не выражающих глаз.

— За что? — выдохнула.

— Чтобы не мучиться. Я же постоянно думал о тебе. Думал, как ты сексом занимаешься с кем-то другим. Раздражает, — с нескрываемой злостью поделился со мной блондин.

— Не получается, — призналась ему.

Я ведь честно пыталась. Омерзение от чужого прикосновения судорогами сводило тело, до тошноты.

— У меня тоже, — получила обезоруживающую улыбку. — Так что квиты. А теперь спать. И не смей сбегать. Лучше тебя убить и не думать. Пусть и останусь импотентом, зато дергаться перестану.

Мне успешно удавалось скрываться от Тимура все эти годы, так как тело реагировало на его присутствие очень остро. Спутать было невозможно. Влияло все: и запах мужчины, и его вид. Но, даже не видя, я чувствовала его приближение и бежала без оглядки. Так почему же в этот раз я прокололась? В чем? Я его не почувствовала, а он меня очень даже.

Тимур уснул, так и не выпустив меня из рук, он охранял мое тело как хищник свою добычу. Я поерзала, проверяя реакцию, и тут же была так крепко стиснута, что даже воздух вышибло из легких.

— Я же сказал, спать, — рыкнул на меня Тимур.

Ну зачем он это делает? Мелко задрожала, прильнув к нему сильнее. Хорошо, что ноги зажал своим бедром, а то зуд сводил меня с ума.

— Крис, — невольно выдохнул блондин, зарываясь рукой в мои волосы.

Прогнулась сильнее, закрывая глаза от блаженства. Так приятно и остро. Но, вспоминая о естественных нуждах тела, прошептала:

— Мне надо выйти.

В полный голос сказать побоялась, чтобы не разгорячить и его. Он свое тело лучше контролировал, это точно.

Тяжело вздохнув, блондин отпустил меня, убирая ногу с бедра. Он сам, наверное, понимал, что я тут ни при чем, я не специально завожусь от его голоса, запаха, от тепла его кожи. Это все животные инстинкты.

Болело абсолютно все. Ноги отказывались держать от перенапряжения. С трудом дошла, придерживаясь рукой за стенки. Хотелось обернуться, чтобы посмотреть на огромное тело на белоснежных простынях. Сесть было тяжело, еще тяжелее встать. Поясницу простреливало от каждого неосторожного движения.

Взглянув на себя в зеркале, вздрогнула: бледное лицо с большими напуганными серыми глазами. Каштановые волосы колтуном стояли на голове, все запутанные. Губы припухли, а шея покрыта красными пятнами, словно укусами.

Как же мерзко. Я превратилась в порочную легкодоступную женщину.

А под горячими струями в душевой дала волю слезам. Эту грязь не смыть с кожи, она в крови. Я пропитана запахом Тимура. Сколько бы ни скребла. Особенно тщательно смывала с бедер вязкую, липкую сперму, содрогаясь от отвращения. Рыдания душили, слезы застилали глаза. Опять! Это случилось опять!

Но одно меня успокаивало и приободряло: мы в гостинице. Это не его квартира, а именно гостиница. У меня появился шанс сбежать. И сбежать лучше, чем превращаться в животное. Лучше умереть свободной, чем жить так, когда в голове только похоть, грязная похоть.

Переключила температурный режим. Холодный душ отрезвлял голову, но не приносил успокоения душе, которая разрывалась от боли. Выключив воду, осторожно ступила на кафельный пол. Вытерлась и обмоталась полотенцем. Банный халат висел рядом, но хотелось остудить кожу. Взгляд постоянно возвращался к окну.

Обернувшись, прислушиваясь к тишине в комнате, где остался Тимур, подошла к раковине, включила воду. А сама приблизилась к окну, открыла, изучая вид на улицу. Само окно располагалось довольно высоко и было узким, не пролезу. Даже если и пролезу, то разобьюсь.

Район был незнаком. Да и определенно мы были в пригороде: слишком много деревьев. Солнце только еще поднималось из-за высоких холмов вдалеке. Или гор? Паника сжала холодными пальцами сердце. А где я, собственно, нахожусь? Приподнималась на носочки, высовывая голову наружу. Абсолютно все было незнакомым. Это не тот город, в котором я прожила весь прошедший год.

— Крис, — недовольно раздалось за спиной.

От неожиданности вздрогнула, отцепляясь от окна. Медленно обернувшись, в ужасе глядя, как близко он стоял. А я не почувствовала! Опять ничего не почувствовала.

— Как ты это делаешь? — прошептала, не понимая, что происходит.

— Маленькая Крис, как ты думаешь, чем я занимался, пока ты пряталась от меня? Я искал противоядие, — с усмешкой поведал Тимур, приближаясь.

Голое тело не вызывало обычного волнения и предательской слабости, лишь растерянность и смущение. Я не чувствовала его. Передо мной стоял обычный мужчина, не вызывающий во мне стойкого желания раздвинуть перед ним ноги. Проснулась надежда на спасение. Я даже подалась к нему. И тут же угодила в крепкий захват, жесткая улыбка скривила тонкие губы. Горячие ладони легли на мои плечи, вызывая волну тревожного огня. Дыхание сбилось. Взгляд голубых глаз манил к себе, звал.

Я подалась сильнее, когда его ладони начали движение вверх. И тут же испуганно охнула, так как Тимур больно обхватил шею, придавливая.

— Еще раз увижу, что пытаешься сбежать, жалеть не буду, — вкрадчивый голос проникал в самую душу.

Страх скребся в сердце. Блондин все сильнее сжимал горло. Схватила за его руки, царапая ногтями в попытке вырваться, но он не отпускал, равнодушно глядя в мои глаза.

— Отпусти, — прошептала.

Зрачок у блондина резко расширился, хватка ослабла. Но зато я была нещадно зацелована. Мужские ладони зарывались в мои волосы, с силой дернули вниз, открывая незащищенную шею. Острая боль отзывалась в теле томным стоном. Тело вновь перестало слушаться, вырываясь на волю из-под контроля сознания. Низ живота сжимался от проснувшегося похотливого голода.

— Отпусти, — выкрикнула, пыталась оттолкнуть от себя блондина.

Тимур перехватил мои запястья и, наконец, замер, тяжело дыша. Взгляд становился более осмысленным, спала пелена желания.

— Кристина, выслушай меня. Очень внимательно выслушай. Ничего не помогает. Понимаешь? Столько денег потратил, а без толку. Это необратимый процесс. И чем дальше мы друг от друга, тем тяжелее. Жить рядом год и не приближаться тоже тяжело. Но зато ты привыкла ко мне. Так ведь, малышка? Раньше приблизиться не давала. А сейчас я могу спокойно подойти к тебе на расстояние вытянутой руки, и ты не почувствуешь меня. Это все, чего я добился. А голод без тебя не утолить. Он постоянно гложет.

Опустил мою руку, прижимая к своему паху.

— Чувствуешь? — прошептал, гипнотизируя взглядом.

С трудом сглотнула, кивая в ответ. Он сильнее сжал ладонь, причиняя боль моим

пальцам, а себе доставляя наслаждение. Второй рукой крепко прижал меня к своей груди.

— Крис, — прошептал так нежно и чувственно, что ноги разом ослабли. Но Тимур не дал упасть, придерживая за спину.

— Крис, — дразнил его голос.

А я уже смелее обхватила мужское естество, сама сжала, с удовольствием глядя, как блондин откинул голову назад от острого блаженства. Он был в моей руке, я управляла им. Пусть чуть-чуть, но власть над ним пьянила, грела душу. Я зачарованно следила, как набухают вены на шее, как вздрагивает от моих неумелых движений мужчина, как тяжело дышит сквозь стиснутые зубы.

— Крис, — звал Тимур.

Не могла остановиться, потянулась к его губам.

— Не сейчас, Крис, — сказал Тимур, обхватывая ладонями мое лицо.

Я думать уже ни о чем не могла, только о его губах, тонких, четко очерченных, чуть припухших. Отпустила вздрагивающую плоть и потянулась ладошкой к его губам. Провела робко по нижней губе, слушая гортанный стон Тимура. А потом просунула палец в рот, вздрогнув, когда его прикусили, а затем облизали. Судорожно втянула в себя воздух, приоткрывая рот.

Палец бесцеремонно был выплюнут, а сам Тимур впился жадным поцелуем в мои губы.

В ответ прижалась, обнимая за талию. Блондин целовал, сминая сопротивление, подчиняя себе, ломая волю. Он хозяин, а я его раба. Подхватил под ягодицы, закидывая меня себе на талию, и отнес на кровать, где коротко приказал:

— Развернись и бедра приподними.

Замотала головой, медленно отползая от него. Он угрожающе сдвинул брови, подался на меня.

— Так больно, — быстро призналась.

Не хотела дразнить его неповиновением, но сдаться и переживать ужасные моменты не собиралась. У меня и так все тело горит, мечтая принять его в себя.

— Крис, — протяжно позвал Тимур, играя голосом.

Потянулась ему навстречу, рукой желая обхватить за шею. Блондин перехватил мою кисть, выворачивая руку за спину и меня вместе с ней разворачивая лицом в матрас.

— Крис, ты же знаешь. Я сказал, ты выполнила, помнишь, как тогда, в лаборатории. Мне так больше нравится.

Вскрикнула, когда в подтверждение своих слов он вошел, удовлетворенно замычав. Движения были в этот раз плавными и не причиняли боль, только восторг и возбуждение. Упираясь свободной рукой, сама двигала бедрами, чтобы совсем потеряться в этом горячем вихре. Перед глазами все плыло. Я горела, я пылала, я задыхалась от распирающего меня чувства восторга. Умирала от острого наслаждения, пронизывающего все тело. Услада томной патокой текла во мне, отравляя душу. Все повторялось раз за разом. Взлеты, падения. Я падала в пучину развратной похоти. Без любви, без единения души. Только потребности тела. Ни слова нежности. Механические движения, тягучее удовольствие, судорожные всхлипы и холод в сердце.

Натужно взревев, мужчина, наконец, остановился и упал на меня без сил.

— Ненавижу, — выдохнул, скатываясь на кровать рядом.

Я обернулась, с трудом разлепив веки. Тимур лежал на спине, прикрыв рукой глаза. Грудь высоко взлетала от тяжелого дыхания. Я тоже была изможденной. Не могла

пошевелить ни рукой, ни ногой.

Глядя на мужчину, впервые испытала к нему жалость. Было видно, что он ко всему относится так же, как и я. Да только не хочет понимать, что если мы не рядом, нам легче. Инстинкты притупляются, и ты начинаешь различать краски этого мира, а не только потребность сношаться.

— Тимур, — осторожно позвала и тут же оказалась под ним. Испуганно воззрилась на разозленного мужчину, который секунду назад расслабленно лежал рядом.

— Молчи! — разъяренно прошипел блондин, с силой закрывая мне рот ладонью. — Не разговаривай со мной, поняла? Твой голос, твой запах, твое тело — все сводит меня с ума, — но вразрез его голосу были его нежные губы, покрывающие легкими поцелуями лицо, шею, грудь.

Я пыталась столкнуть его с себя, выбраться из-под блондина. Но стоило его языку пройти по вершинке груди, как от удовольствия выгнулась, зарываясь пальцами в светлые волосы, прижимая его голову к себе. Облизывала его пальцы, пробуя их солоноватую кожу.

Его голос тоже сводил с ума, его запах, вкус. Идеальный. От него исходила властная аура настоящего хищника.

— Крис, остановись, — приказал блондин, и все наваждение как водой смыло. Тяжелый взгляд холодных глаз опалил, заставляя сжаться от страха. Слезы навернулись на глаза, когда поняла, что опять. Опять надо мной взяла верх похоть. В кого я превращаюсь!

— Нам надо ехать, — чуть спокойнее объяснил Тимур свой отказ.

Резко оттолкнувшись руками от кровати, порывисто встал и ушел в душ. А я с большим трудом поднялась, потирая ноющую поясницу. Осмотрев комнату, нашла на столе перед зеркалом свои вещи, уложенные аккуратно стопочкой. Направилась к ним и стала нервно одеваться, пытаюсь не смотреть на свое отражение, в ванной насмотрелась.

Одежда Тимура лежала рядом. Рассматривая черную ткань брюк, вдруг вскинула голову, встречаясь в отражении взглядом сама с собой. Нервно стала рыться в его карманах, ища ключ, нашла, но от машины. Я так и не решилась научиться водить, поэтому сейчас он мне был бесполезен, а от входной двери номера нигде не было. Тихонько подкравшись к двери, потянула за ручку, с облегчением обнаружив, что она открыта. Вернувшись к зеркалу, схватила всю одежду блондина, подошла к окну и выбросила ее на улицу, вместе с ключом от машины. Направилась к шкафу в поисках моей сумки, но он был пуст. Под кроватью тоже ни чемодана, ни дорожного баула не было, как не было и моей дамской сумочки, в которой лежал паспорт и деньги.

Одевшись, осторожно приоткрыла входную дверь. За ней никого не оказалось, что было очень странно. Уже смелее распахнув дверь, огляделась. Охранников в длинном коридоре не наблюдалось.

— Крис! — гневный окрик застал врасплох, когда я делала осторожный шаг в коридор.

Паника накрыла раньше, чем я начала что-то сообщать. Бросилась вправо, почему-то уверенная, что там есть лифт или лестница. Да, запасной выход был. Бежала к нему по красному ковру, как к родному, не оглядываясь, закрыв уши руками. Врезалась со всего ходу в дверь, вываливаясь на лестничную площадку, а дальше ступеньки, много ступенек. Ноги быстро перебирали их, порой перескакивая. Только не думать о боли, только бежать. Сверху неслась брань Тимура. Хватаясь руками за перила, резко разворачивалась на площадках, не останавливаясь. Пусть даже и догонит, пусть и избьет или убьет, как обещал, только я все равно хочу сбежать, подальше от него, куда глаза глядят.

Выскочила на улицу для себя неожиданно, словно в ледяную воду нырнула. Растерялась, не зная, куда теперь дальше. Слишком увлеклась ступеньками и контролем дыхания, совсем не ожидая, что лестницы так быстро закончатся. Незнакомый город еще спал, а это плохо! Рванула к ближайшим кустам, пробираясь сквозь цепкие ветки. Потом перебежала улицу, укрылась в тени ларька, оглядываясь назад. Погони не видела, и больше, как оказывается, не чувствовала. Я позволила себе совсем немного перевести дыхание и, выглянув из-за угла, вновь прислушалась к звукам утреннего города. Тишина, только птицы поют.

Присмотрев куда побегу, досчитала до трех и рванула. Бегать мне было не привыкать. Бежать изо всех сил, на последнем дыхании, пригибаясь, прячась. Главное, уйти!

Тимур

Стоило только почувствовать, что Кристина в его руках, как Молотову снесло крышу. Он сам от себя не ожидал, что не сможет сдержаться и дотерпеть до гостиницы, займется сексом на глазах у своих парней. Только от длительного воздержания у Тимура разум помутился, а человеческие чувства померкли. А вот животная страсть вспыхнула с такой силой, что терпеть ее было невозможно. Он усадил сероглазую беглянку верхом на свои колени, нервно поднял подол широкой юбки. Крис молила его не делать этого, а ее тело, наоборот, звало к себе, сочилось сладким ароматом. Но слушать девушку мужчина не собирался. Только овладев податливым телом, погрузившись в желанное тепло и кончив через несколько долгих минут, излив все, что накопилось, на Тимура обрушилось такое облегчение, какое он испытывал лишь раз, в лаборатории, и с ней же, с Кристиной.

Его партнерша, уснув, лежала на нем, продолжая обнимать за талию. Слишком правильная для него, очень нежная. Наблюдая все это время за ней, он знал, какая Кристина скромница, таким дают прозвище «синий чулок». Она прятала свою красоту под длинными подолами, стягивая волосы в тугие пучки. Лишь сегодня девушка распустила их, наряжаясь для кого-то. Он провел рукой по каштановым прядям, ревниво наблюдая, как они блестят. Тимур никогда не испытывал ревности, так как и девушки у него не было, работа была ему женой, отнимая все свободное время. Из-за работы Молотов отказался от семьи, от друзей. Опасно иметь такую роскошь, он даже имя сменил, чтобы не навлечь на своих близких беду.

Заметив сальный взгляд Серого, Тимур недовольно приказал ему отвернуться. Никто не должен знать, что Кристина значит для него. Он собирался доказать всем и девушке тоже, что она только для удовлетворения его потребностей. Он планировал запугать ее, чтобы она не догадалась, какую власть имеет над ним. Машина неслась через тайгу, нужно было покинуть Междуреченск поскорее, чтобы его не смогла отследить ФСБ. Ее сотрудники взялись искать тех, кто ворует цистерны с топливом на железнодорожных станциях. Анонимно Тимур часть улики уже подкинул. Но сам он не хотел попасться в руки оперативников и уж тем более подставлять Кристину.

Ночь уступала место утру, когда они, сделав остановку в Новокузнецке для отдыха, сняли номера в гостинице и расселились по комнатам. Кристина так и не проснулась, когда Тимур укладывал ее на кровать, раздевая. По привычке он аккуратно сложил одежду у зеркала, краем глаза отмечая, как изменился, оттаял его взгляд. Хрупкая женская фигура в свете ночника соблазняла его своими изгибами. Мужская сила прибывала, поднимая желание обладать Кристиной, даже такой, спящей. Он лег, придавливая ее своим телом, долго рассматривал красивые черты лица, удивляясь бледности кожи. Обычно девицы в ее возрасте стремятся загорать, а она нет. И причину он понял. Она боялась привлечь к себе внимание

мужчин. А все он и его всепоглощающее вожделение.

— Крис, — позвал Тимур, желая увидеть затуманенные серые глаза, когда он войдет в нее. Хотелось создать видимость того, что он желанен, хотя кого он обманывал. Проклятье доктора Уокера — вот причина, по которой они не могут оторваться друг от друга.

Кристина жалобно застонала, и это пробудило в Тимуре черные стороны его души. Он погружался в податливое тело, которое с готовностью принимало его, и снова, и снова. Особенно блондину понравилось брать Кристину сзади, вколачиваться, пока не достигнет разрядки.

Тимур устало разлегся на кровати, крепко сжимая в руках девушку. Он боялся, что она опять ускользнет от него, стоит ему прикрыть глаза. А он устал, сильно устал, вымотался с этой вечной игрой в догонялки. Напряжение, которое держало его столько лет, постепенно стало спадать. Девушка отпросилась в туалет, Молотов нехотя ее отпустил. Его сморило всего на пару минут, во сне Кристина дерзко сбежала от него, наплевав на угрозы. Войдя в ванную, он взбесился, увидев, как девушка, стоя на носочках, обмотанная в банное полотенце, выглядывает из окна.

Окликнув ее, он потонул в страхе, который застыл во взгляде девушки. Сердце Тимура впервые сжалось от жалости к ней. Было противно от того, что в ее глазах он выглядит монстром. Но это было и к лучшему: раз она боится, значит, не будет делать глупости.

Ненасытному голоду вид Кристины показался очень даже соблазнительным. Стройные ноги так и манили раздвинуть их. Девушка под его взглядом застонала, погружаясь в ту же трясику порока, которая засасывала их обоих. Он пытался остановиться, вот только Крис не справлялась со своим желанием, таяла у него в руках, ластилась, маня овладеть ею прямо сейчас. Она не слышала его, когда он пытался объяснить ей, что им пора двигаться дальше, что их могут поймать спецслужбы. Все это для нее было несущественным. И Тимур попал под влияние ее зова, понимая, что проще поддаться искушению, чем бороться с ним и волочить за собой неменяемую Крис. На них и так косо смотрела девушка-регистратор. Наверное, она впервые регистрировала спящего постояльца, которого на руках принесли в гостиницу.

Очередной раз кончив, Тимур поспешил принять душ, чтобы не терять времени. Ему потребовалось минут пять, чтобы смыть с себя следы пылкой страсти и выйти в номер. Зря он надеялся, что запугал Кристину достаточно для того, чтобы она подчинялась ему безоговорочно, как обычно происходит с теми, кто привык к роли жертвы. Но она в очередной раз улизнула. Он успел только окликнуть ее, как она припустила по коридору. На его крик выбежал Алик, затем из соседнего номера Серый. Они спали и не совсем поняли что произошло. Тимур приказал не упустить девушку, которая оказалась очень быстрой. Он давно заметил, что Крис выносливая, но не ожидал, что она еще и спортсменка в придачу. Она бежала гораздо быстрее помощников Тимура. Сам он не мог обнаженным гнаться за девчонкой, это было неразумно. Его слабость перед ней не должна бросаться в глаза. А хотелось придушить непокорную собственными руками.

Тимур вернулся в номер и стал искать одежду, но ее нигде не было. Взгляд упал на открытое окно. Высунувшись на улицу, Тигр увидел, как Алик собирает его вещи, там же нашелся ключ от машины. Серый вернулся и доложил, что девчонки нигде не видно, она сумела скрыться. Молотов схватил помощника за горло и приподнял над полом, тихо уточняя:

— Как ты мог упустить обычную девку? Может, ты стареешь, и пора тебя заменить кем-то более способным, чем ты?

— Нет, босс, не надо. Этого больше не повторится. Она реально носится как угорелая. Я же сонный, только глаза продрал, а тут бежать надо. Я найду ее.

— Без тебя справлюсь, — зло выплюнул в ответ Молотов, откидывая от себя Серого.

Если бы он не был так ценен, давно бы лишился головы, но именно через него Тимур получал очень важную информацию о боевиках, и Серый должен прикрыть босса, когда будет облава, стать тем самым таинственным Тигром.

Алик вернулся с вещами Молотова. Тимур наконец-то оделся и отдал распоряжения по поиску Кристины. Глупая девчонка просто не осознавала, в какую жестокую игру угодила, и что одной ей никогда не выиграть, ведь все считают ее всего лишь пешкой, и только для Тимура она была королевой, способной поставить ему мат.

Сев в машину, Тигр кружил по городу, прислушиваясь к своим чувствам. Он шипел на Серого, который ныл, что сдалась им эта баба, уж лучше свои шкуры сберечь. Когда Тимур достал пистолет, проверив обойму, помощник замолчал, закатив глаза. Он не понимал своего босса, у которого настроение и так постоянно было не сахар, а теперь и вовсе паршивое. Алик молча вел автомобиль, наворачивая круг за кругом возле городского парка.

— Она где-то рядом, — шепнул Тимур, вглядываясь в густую листву живой изгороди.

Алик остановил машину, Молотов вышел, оглядывая улицу. Его манило к кустам, и он пошел, неслышно ступая, словно хищник.

— И чего он прицепился к этой бабе. Ну сбежала, ну накатает заявку ментам, типа от этого что-то изменится, — возмущался Серый, сидя в машине.

— Мне тоже непонятно, — поддержал разговор Алик. — И девка не сказать что красивая. Монашка какая-то в этой своей юбке.

— Ага, хотя ножки у нее ничего так, а стонет она как настоящая шлюшка, — глумливо оскалился Алику Серый, тот хмыкнул, отвернувшись.

Тимур обошел парк, прислушиваясь к своим ощущениям. Минуту назад его тянуло сюда как магнитом, а теперь внезапно образовалась пустота. Крис не было нигде. Вернувшись в машину, Тимур приказал ехать в Междуреченск, что-то подсказывало ему, что девушки в этом городе уже нет.

Они мчались по трассе уже примерно час, когда закончился бензин. Алик завернул на заправку и все вышли. Серый курил, рассказывая о планах хищения очередной партии топлива с ближайшей станции, — все готовы и только ждут отмашки. Молотов кивнул, прислушиваясь к нарастающей тревоге, которая окутывала его с каждой секундой все больше.

Мимо заправки пронеслись два черных джипа с тонированными окнами. Сначала один, через несколько минут второй. Проследив за ними взглядом, мужчины помолчали, а затем Молотов приказал садиться в машину. Он сам занял место водителя, вдавливая педаль газа, и бросил парням через плечо, чтобы приготовили оружие.

Черные джипы обнаружили через несколько километров, они стояли на обочине рядом с красным «Хендаем». Тимур припарковался, вышел, достал пистолет, снимая его с предохранителя, и прямой наводкой направился к высоким соснам. Серый и Алик не отставали. Тимур прислушивался к себе, безошибочно определяя направление. Сначала они наткнулись на тела трех смуглых брюнетов из кавказской группировки. Они прибыли на одном из джипов, явно по наводке, узнав о Кристине. Это было прискорбно, так как количество проблем у Молотова только увеличилось.

Он замер, когда увидел девушку, окруженную людьми из спецподразделения. Вскинув пистолет, Тимур снял одного из них.

— Тигр, не стреляй, а то бабу грохну! — донеслось до Молотова.

Но он продолжил прицельно отстреливать прячущихся среди деревьев оперативников. Пули засвистели перекрестным огнем. Мужчины берегли девушку, которую за собой тащил сероглазый.

У Тимура от сердца отлегло, когда он понял, что она жива. Но злость на непослушную беглянку никуда не делась. Когда счет сравнялся, и осталось трое против троих, Тимур стал опасаться за жизнь девушки. Ее держал невысокий мужчина с военной выправкой, видимо, командир. Тимур прожигал Кристину взглядом, пока она не заметила его. Молотов сам не осознавал до этого момента, как на нее влияет. Но в полной мере ощутил превосходство над ней: она перед ним слаба. Крис завелась от одного только взгляда, но не сдала его, не завопила, указывая на него пальцем. Девушка молила отпустить ее, вырываясь из объятий мужчины, который прижимал ее к себе, озираясь по сторонам в поисках Тимура. Grimаса отвращения исказила лицо девушки. Но ее никто не слушал, сероглазый тащил ее за собой, не замечая, что Крис плохо. Ее стошнило, и мужчина отцепился от девушки, а Тимур, наконец, смог смело пристрелить его. Сам Молотов продвигался к беглянке, которая вытирала рукавом рот возле сосны, в ужасе оглядываясь на трупы. Он шел, видя, как Кристина сжимается все больше, чуть ли не скулит. Это взбесило мужчину: она была такая жалкая, тряслась от страха перед ним, поглощенная животным ужасом, истекающая сладким ароматом вожделения и ненавидящая его.

Кристина

Я сидела на берегу пруда, рассматривая белые облака в отражении водной глади. Город, куда меня привез Тимур, оказался соседним Новокузнецком, в котором я еще не была ни разу. Встретив сердобольную бабушку, я подробно у нее все расспросила и рассказала, что потерялась, что документов с собой нет и телефона, соответственно, тоже. Баба Шура оказалась отзывчивым человеком, не только помогла, но и накормила, и напоила. А я все тревожно поглядывала в окно. Город большой, я очень надеялась, что Тимур не найдет меня здесь. Позвонив Кате, объяснила ей, где я оказалась, упросив подругу приехать за мной. У Катерины был свой автомобиль и доброе сердце.

Выслушав в свой адрес наставления о том, что нельзя бросать друзей и уходить неизвестно с кем, она смилостивилась и пообещала забрать. Расстояние было между городами двухчасовое. Нарушать покой бабы Шуры я не могла. Сердечно отблагодарив, покинула добрую старушку. Мне пришлось кустами пробираться к пруду, к месту, где я договорилась встретиться с Катей. Обзор на площадь с фонтанами из моего укрытия был преотличным, а меня не всякий заметит. Все же я стала параноиком. Чудилось, что в любой момент меня схватит Тимур и опять уволочет в свою машину. Вздрагивала от любого резкого звука, озираясь по сторонам. Часов не было, поэтому и не могла понять, сколько уже сижу в импровизированной засаде.

Жизнь заставляет людей учиться на своих ошибках. Я перестала доверять мужчинам, любым. Хотя раньше я всегда мечтала о муже, о детях. А теперь просто не представляла свою будущую жизнь. О какой семье может идти речь, если я не могу ни с кем, кроме Тимура, а с ним на это не стоит и надеяться.

Грустно вздохнула, оплакивая свои девичьи мечты. Оглядывая очередной раз площадь,

наконец, увидела, как подъехала знакомая машина Кати, ярко-красный «Хендай». Осмотрев улицу, я удостоверилась в безопасности и только потом осмелилась выйти из укрытия неспешной походкой. Пытаясь выглядеть спокойно, я шла, считая каждый шаг, прямо глядя на Катю, которая вышла из машины и озиралась по сторонам в поисках меня.

Очень хотелось броситься со всех ног к ней, но я сдерживалась. Это могла быть ловушка. На триста пятом шаге Катя заключила меня в объятия, а я не удержалась и осмотрелась. Город жил своей жизнью: люди спешили на работу и по своим делам, маршрутные автобусы собирали пассажиров, машины проезжали мимо. На нас никто не обращал внимания.

— Ну ты, мать, даешь! — восторгалась Катерина, хлопая меня по спине. — Все такая скромница, а тут на тебе — красавца такого подцепила, что он даже увез тебя подальше от дома.

— Кать, пошли в машину. Прошу, — сдержанно прошептала, пытаясь отстраниться.

— Конечно! Домой?

Мне бы веселость подруги. Чувствовала я себя очень неуютно, словно чей-то взгляд прожигал мне затылок.

— Да, надо заявление написать, что у меня паспорт украли, — меня уже трясло от напряжения. Мне казалось, что он рядом. Наблюдает, но не вмешивается. Я точно скоро от любой тени буду дергаться.

Села в машину, не переставая вглядываться в лица прохожих, боясь упустить момент, когда он появится непростительно близко от меня.

— И, Кать, ты можешь помочь? Надо разыскать беглого заключенного, имя Тимур. Дело было три года назад.

Подруга села на водительское место, удивленно воззрилась на меня и покрутила пальцем у виска.

— Кать, я знаю, ты можешь, — стала упрашивать ее, понимая, что она так сразу не согласится использовать любовника.

— Хорошо, — сдалась подруга, — вижу, что тебе очень надо. Особые приметы?

— Кать, ты его видела вместе со всеми приметами.

— Стой, ты что же, не знаешь кто он?

Удивлению подруги не было предела. Она даже рот открыла в изумлении, не веря, что я не шучу.

— А нам недосуг разговаривать было, — огрызнулась в ответ и отвернулась к окну.

— Он тебя что... изнасиловал? — осторожно выпрашивала она меня, а я пыталась справиться с накатившей жалостью к себе.

— Поехали быстрее, вдруг найдет.

— Ты сбежала из-за этого? Ну как же я не догадалась. Прости, — посочувствовала мне Катя.

— Все еще хуже, — призналась я срывающимся голосом.

Правда, мой голос потонул в звуках двигателя автомобиля. Вырулив на дорогу, Катя плавно вела машину, вливаясь в общий поток. Она еще несколько раз пыталась меня разговорить, но я так сильно устала. Устала бояться, устала дрожать. Откинувшись на спинку кресла, отвернулась к окну и задремала.

Меня качало на волнах, липкие пальцы тревожного сна возвращали меня в кошмар. Холодные глаза преследовали меня, горячие губы оставляли на коже красные ожоги. Я

просила его остановиться, умоляла не трогать. Но не было спасения в этом кошмаре для меня. Он был везде и всюду. Куда бы я ни бежала, он преследовал меня. Страх пробирался в сердце, леденя душу.

— Крис, — звал его голос, — Крис.

Я отступала от него, мотая головой. Не хочу! Не хочу!

— Крис, успокойся! Это сон! — добрался до сознания обеспокоенный голос подруги.

Распахнула глаза, озираясь. Я в Катиной машине. Перед нами дорога и лес. Мы стоим на обочине. Катя трясет меня за плечо, всматриваясь в лицо.

— Так, быстро рассказала, что он с тобой сделал! — в сердцах выкрикнула подруга, выплескивая на меня свой страх. — Что, я спрашиваю? Он насильничал тебя, да? Ты так стонала! Крис, это ужасно! Тебе нужно срочно в реабилитационный центр обратиться! У меня чуть душа в пятки не ушла от твоих стонов!

Я устало выдохнула и откинулась на спинку, расслабилась в кресле, провела рукой по лицу, пытаюсь согнать следы кошмара.

— Кать, давай я тебе расскажу все, только не останавливайся, прошу, — страдальчески умоляла подругу, понимая, что она не отстанет, пока все не узнает.

— Нет, говори прямо сейчас. У меня из-за тебя руки трясутся.

— Он не насильничал меня. Он... — запнулась, не зная, как объяснить.

Правда слишком ужасна, чтобы озвучить.

— Да, он насильничает меня. Я сбежала от него второй раз. Но проблема в том, что когда я его вижу... Кать, это страшно. Я хочу его. Просто хочу. Как бы пошло это ни звучало. Я не могу ему отказать.

— Ты издеваешься? — начала заводиться Катерина. — Я тоже Сашку хочу. Как увижу, так и хочу всего его и сразу.

Карие глаза укоризненно смотрели на меня. Вот что ей сказать, как еще доступнее объяснить?

— Ты любишь, Кать, а я нет. Но это не любовь, это обычная похоть. Он тоже не любит. Он ненавидит меня.

— Какой ужас! — прошептала подруга, одарив такой жалостью, что кольнуло сердце. — Так, давай я Сашке позвоню, пусть пробивает твоего насильника.

Подруга по-деловому взялась за выполнение поставленной задачи. Сашка, в миру майор чего-то там Александр Рожков, был ее любовником. Да таким ревнивым, что мы иногда диву давались. Обычно мы от него узнавали о наших ночных похождениях. Как говорится, из первых уст. Так как наша память упорно молчала и не соглашалась сдаваться. А у Сашки всегда был к утру собран весь компромат, даже с видеозаписями. После первого разбора полетов, когда Сашка решил нас всех троих построить, мы ему отомстили. Два дня гуляли, не отвечая на его звонки. Для этого выехали за город на дачу. Но на то майор и майор, что к вечеру воскресенья он нас вычислил и развез по домам.

— Але, Саш! — громко выкрикнула Катя. — Але! Что-то со связью. Не берет, — расстроено глядя на телефон, сокрушалась подруга.

А мне становилось с каждой секундой все хуже и хуже. Предчувствие вопило, что пора бежать и как можно быстрее. Но оглядываясь, я видела только пустую трассу. Это не успокаивало меня и не придавало уверенности, что все хорошо, поэтому я попросила подругу:

— Кать, поехали скорее. Прощу.

И до того это получилось жалобно, что самой стало противно. Все еще не переставая оглядываться, я поторапливала подругу заводить автомобиль.

Машинка у Катерины была послушной. Плавно тронулась с места и понесла нас ближе к дому. Дорога уходила вдаль, а тревога все никак не отпускала.

— Дай телефон, сама Сашке позвоню, — потребовала я у подруги, протягивая руку.

— Давай, — согласилась она и отдала мне свой сотовый.

Но антенна печально отсутствовала. Так что пришлось отложить звонок до первой вышки.

— А он тебя бил? — неожиданно вернулась к неприятной теме Катя.

Тяжело вздохнув, убрала телефон, ища правильные слова, и тянула время. Не хотелось копаться в грязи, которая поглощала меня каждый раз, стоило рядом появиться Тимуру. Не хочу признаваться даже подруге, какой я становлюсь. Стыдно. Но вопрос заставил задуматься и осознать простую истину. Обернулась к Катерине и удивленно ответила:

— Нет.

Если честно, то сама изумляюсь. Он не бил, а только душил. Хотя ведь мог сжать пальцы до конца. Передернула плечами, вспоминая трупы в лаборатории. Что же его остановило? Он же сам говорил, что ненавидит. Или боится стать импотентом, как заикнулся? Глупости, это все глупости. Нужно будет, убьет. Он может.

Нервно стала кусать губу, беспокойно оглядываясь назад. Сидеть на месте спокойно не получалось. Как на иголках дергалась. А из головы все не выходило воспоминание о лаборатории.

— Как тебя зовут? — сиплый голос не давал успокоения, требовал ответа. Я извивалась под ним, пытаюсь получить такое желаемое проникновение. Но Тимур не двигался, удерживая мои руки над головой.

— Еще, прошу, еще, — умоляла я и, приподнимая бедра, терлась о его пах.

— Сначала скажи, как тебя зовут? Имя, фамилия? — рычал блондин.

Его грудная клетка от тяжелого дыхания соприкасалась с моими сжавшимися от возбуждения сосками. И каждый раз я судорожно вздыхала, чувствуя, как по телу проносятся приятные разряды.

— Скажи ты, черт тебя подери, как тебя зовут? — вскричал Тимур, придавливая немалым весом.

С трудом прошептала, глядя в его злые глаза сквозь наворачнувшиеся слезы:

— Кристина.

— Не реви! Ноги закинь, — резко успокоился тиран и сразу стал командовать мною, тараня меня с таким нетерпением, что мой голос сорвался, так громко я стонала под ним.

— Крис, — я вздрогнула, обернувшись на Катерину. — Ты чего такая красная? У тебя жар? Он тебе там ничего не порвал? Давай в травму съездим, снимем медицинские показания.

— Да нет. Там все хорошо, — стыдливо отвела взгляд, вновь обернулась назад. Поразительно, что после такого грубого секса у меня не было травм, только ноющая боль в мышцах, да в пояснице.

Я осматривала дорогу: подозрительных машин не наблюдалось. Нас догонял грузовик, за ним какая-то легковушка. Встречные автомобили проносились мимо с неприятным звуком.

Мысли о Тимуре волновали меня, я попыталась не выдавать своих переживаний, но краска стыда уже обожгла щеки. Хоть Катерина и подруга, но о таком я не была готова разговаривать ни с кем. Даже с врачом. Катя толкнула в плечо, заставляя сесть прямо.

— Уверена? — с сомнением осматривая меня, произнесла подруга.

Я понимала, что она обо мне заботится, но это очень тяготило.

— Не отвлекайся от дороги, а то врачи нам обоим потребуются, — попыталась перевести разговор на другую тему или закрыть уже, наконец.

— Типун тебе на язык! — обиделась Катя, но отвернулась, крепче ухватившись за руль.

Я тоже замолчала. Что еще было добавить? Потянулась за телефоном, чтобы себя хоть чем-нибудь занять.

— Что за debil? — испугала меня Катя выкриком. Оказывается, впереди одна легковушка затеяла обгон, в опасном месте обгоняя другую, водитель которой не пожелал сбавить скорость. Дорога уходила в поворот.

Катя покачала головой, когда лихачи скрылись с глаз. Я с облегчением выдохнула и взяла телефон. Антенна порадовала тремя палочками, и я уже веселее улыбнулась подруге, набирая номер ее любовника. Включив динамик, подставила телефон ближе к Катерине.

— Да, малыш? — командным голосом ответил Саша.

— Котя, у меня проблемы, — в лоб начала Катя. — Мы тут с Кристиной в соседнем Новокузнецке были, там какой-то тип к нам приставал! Представляешь? Весь из себя такой крутой!

— Какой тип? — отозвался Саша.

А у меня от сердца отлегло. Сашка за Катерину всем готов плотки рвать. Приободренные реакцией майора, мы наперебой стали описывать Тимура. Я выложила все, что помнила: и название гостиницы, и во что одет.

Саша в ответ только говорил нам коротко «Да» и «Понятно». И от этого мне становилось все легче и легче. Все же приятно знать, что есть друзья, готовые за тебя заступиться.

— Ты, Крис, совсем меня не любишь, — вздохнула Катерина, когда я со спокойной душой выключила телефон и положила его на полочку.

— Да ты что? — удивилась ее словам. — Да я знаешь, как тебе благодарна.

— Ты зачем про гостиницу сказала? Он сейчас что обо мне подумает? — взвилась Катя, от досады стукнув руль. — Ну ты, Крис, и глупая. Вот честно. Сколько раз зарекалась подругам помогать, так нет, уговорила! Если он меня бросит из-за тебя, имей в виду! И никаких претензий!

И тут я поняла что натворила.

— Прости, — покаянно выдохнула, все равно было уже поздно что-то объяснять Саше.

И я точно ни за что не расскажу Катерине мою правду. Только не после ее предупреждения.

Дальше мы ехали в гробовом молчании. Катя еще пару раз стукнула по рулю. А я вздрагивала от неожиданных вспышек злости подруги. Дорога иногда виляла. Деревья мелькали. Я отвернулась от Кати, не желая еще больше ее дразнить. Такой я подругу еще ни разу не видела. Были ссоры, но не такие эмоциональные. Ударив по рулю в очередной раз, Катя резко свернула на обочину. Стоило машине остановиться, как Катя схватила телефон и набрала Сашку. Я скромно молчала, чувствуя угрызения совести.

— Котя, я тебя люблю, — промурлыкала Катя. — Как обстоят дела?

— Малыш, а вы где находитесь? — очень громко спросил Сашка, и слишком нервно.

Обычно он спокоен как танк. Я вся подобралась, стала прислушиваться к разговору влюбленных.

— В город возвращаемся. Стоим на трассе в сторону Междуреченска, а что? — осторожно ответила Катя, выразительно переглядываясь со мной.

Я пожала плечами. Не знаю, что могло так взбудоражить Сашку.

— Девчонки, я не знаю, куда вы влезли, но чем скорее окажитесь дома, тем лучше. А о Тимуре забудь. Не встречались вы с ним никогда. И Крис передай, что когда говорит про тюрьму, пусть уточняет какую. Он не здесь сидел, понятно? И вообще, Катюш, я выезжаю навстречу, будь осторожна.

[Купить полную версию книги](#)